

- Можно ли обрести ценности по государственному указу?
- Чем БРИКС лучше ЕС?
- Ценности — это то, что дороже денег.
- Настоящие люди живут по совести, а не по Дарвину.
- Без запретов человек не может жить.
- Свобода — привилегия ответственного человека.
- Раб своих страстей — не свободное существо.
- Ценности — это и есть душа человека. Без души человека нет.
- Цифровое бессмертие — идея опасная. Как и цифровая память.
- Иногда и русские предают. Но тогда они перестают быть русскими.
- У России свой путь, своя идентичность.

Публикуются материалы научной дискуссии, организованной Отделением общественных наук РАН и Санкт-Петербургским отделением РАН и состоявшейся в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 29 марта 2025 года.

Свои доклады представили выдающиеся российские философы — сотрудники Института философии РАН, академики А. А. Гусейнов и В. А. Лекторский. В дискуссии приняли участие более 250 человек — свыше 25 ученых из вузов Санкт-Петербурга, около 50 ведущих преподавателей Университета, студенты СПбГУП и других вузов Северной столицы. Ведущий — ректор СПбГУП, заместитель председателя СПбО РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО А. С. Запесоцкий.

В ходе дискуссии обсуждались принципиальные отличия российской цивилизации от западной, подробно рассматривались традиционные духовно-нравственные ценности России, способы их сбережения, укрепления и трансляции.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных и творческих дисциплин, а также широкому кругу читателей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ЦЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Научная дискуссия с участием членов РАН
А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского и А. С. Запесоцкого

29 марта 2025 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

*В преддверии XXIII Международных
Лихачевских научных чтений*

ЦЕННОСТИ

КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Научная дискуссия с участием членов РАН
А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского и А. С. Запесоцкого

29 марта 2025 года

Санкт-Петербург
2025

ББК 87.53
ЦЗ7

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН,
заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН,
доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

ЦЗ7 **Ценности** как философская проблема : научная дискуссия с участием членов РАН А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского и А. С. Запесоцкого, 29 марта 2025 года. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2025. — 84 с. : ил. — ISBN 978-5-7621-1346-5. — Текст : непосредственный.

Публикуются материалы научной дискуссии, организованной Отделением общественных наук РАН и Санкт-Петербургским отделением РАН и состоявшейся в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 29 марта 2025 года.

Свои доклады представили выдающиеся российские философы — сотрудники Института философии РАН, академики А. А. Гусейнов и В. А. Лекторский. В дискуссии приняли участие более 250 человек — свыше 25 ученых из вузов Санкт-Петербурга, около 50 ведущих преподавателей Университета, студенты СПбГУП и других вузов Северной столицы. Ведущий — ректор СПбГУП, заместитель председателя СПбО РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО А. С. Запесоцкий.

В ходе дискуссии обсуждались принципиальные отличия российской цивилизации от западной, подробно рассматривались традиционные духовно-нравственные ценности России, способы их сбережения, укрепления и трансляции.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных и творческих дисциплин, а также широкому кругу читателей.

ББК 87.53

ISBN 978-5-7621-1346-5

© СПбГУП, 2025

Научное издание

ЦЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Научная дискуссия с участием членов РАН

А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского и А. С. Запесоцкого
29 марта 2025 года

Редакторы: В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова, С. В. Остудина; дизайнер Е. Р. Куныгин;
технический редактор Л. В. Климович; корректоры: Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева

9 785762 113465

Подписано в печать с оригинал-макета .25
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура SchoolBookC
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 500 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ЦЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Научная дискуссия с участием членов РАН
А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского и А. С. Запесоцкого

Лекционный зал № 1 СПбГУП
29 марта 2025 года

ВЕДУЩИЙ:

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич — ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор

ГОВОРУНОВ Александр Васильевич — заведующий кафедрой философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского, кандидат философских наук, доцент

КАРМАНОВ Роман Владимирович — генеральный директор Президентского фонда культурных инициатив

ЛЕОНОВ Иван Владимирович — профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологии

ЛЕСКОВА Инна Александровна — профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук,

а также студенты Гуманитарного университета профсоюзов и других вузов Санкт-Петербурга.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Здравствуйте, уважаемые коллеги! Сегодня в нашем Университете состоится научная дискуссия под эгидой Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук, созданного в 2023 году при поддержке президента В. В. Путина и Отделения общественных наук РАН, с участием выдающихся философов современности — директора Института философии РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора, Почетного доктора СПбГУП Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и главного научного сотрудника Института философии РАН, академика Российской академии наук и Российской академии образования, доктора философских наук, профессора, главного редактора журнала «Вопросы философии» (1988–2009) Владислава Александровича Лекторского.

Идея проведения сегодняшней встречи зрела давно. В связи с этим вспоминается высказывание одного из крупнейших философов в истории мировой философии науки, академика РАН Вячеслава Семеновича Степина, на протяжении многих лет возглавлявшего Институт философии РАН, который на одном из наших философских конгрессов сказал, что философы, казалось бы, занимаются проблемами, лежащими за гранью повседневной реальности, высказывают мнения, которые часто непонятны публике, но при правильной деятельности философов нет более практичной науки, чем философия.

В нашей стране возникла проблема, очевидная для всех думающих людей, которая в последнее время получила новое измерение. Несколько лет назад в США, после того как там демократами были сфальсифицированы выборы, сложилась коалиция из транснациональных корпораций, чуждых любым национальным интересам. Американские СМИ,

контролирующие производство 95 % новостей в мире, начали насаждать новую систему ценностей — так называемую «новую этику». В результате на последних выборах президента США преимущество республиканца Трампа и его идей, отражающих интересы традиционной части американского общества, было настолько велико, что демократы уже не смогли сфальсифицировать итоги и лишились власти. Американское общество отказалось следовать принципам, навязанным демократами.

Те же принципы получили распространение и в Евросоюзе, будучи насаждаемыми американцами... И там отказ от «новой этики» неизбежен.

Что такое «новая этика»? Это система ценностей, которая противоречит всем мировым и национально-культурным традициям. В связи с тем, что применение средств манипуляции достигло невиданных масштабов, американцам удавалось насаждать ценности новой этики во всем мире, вплоть до того, что в каждом фильме, снятом в Голливуде, в главных ролях обязательно должны были быть персонажи нетрадиционной сексуальной ориентации либо темнокожие и т. д. Но это не могло продолжаться долго.

Лидер нации В. В. Путин и вся Россия отреагировали на это принятием соответствующих поправок в Конституцию страны. Насаждаемые в мировом сообществе нетрадиционные ценности нигде в мире, кроме Запада (а это 17 % населения земного шара), не были приняты. Мировое большинство начало спланиваться, выступая против «новой этики». С этим связан в последние годы и триумф БРИКС, вроде бы аморфного образования, которое на мировой арене было малозаметно. Но произошло стремительное структурирование этой организации, которая стала восприниматься как альтернативный путь. В Западной Европе теперь есть ряд стран, считающих, что БРИКС, воз-

можно, лучше, чем ЕС. Расширение влияния БРИКС — в существенной степени и реакция на появление «новых ценностей».

Поправки в Конституцию РФ были направлены на защиту суверенитета, социальных прав граждан и традиционных ценностей многонационального народа России. Традиционные ценности были провозглашены как конституционная норма. Затем Президент РФ подписал Указ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором сформулированы 17 традиционных ценностей.

С момента распада Советского Союза воронили бизнеса, которые захватили рычаги государственного управления, насаждали в нашей стране понятие «свобода без границ». А мы, долгое время существуя в рамках традиционной цивилизации, считали, что свобода предполагает ответственность и наличие традиционных ценностей. Выдающийся писатель и мыслитель Даниил Александрович Гранин, мудрец, проживший потрясающую жизнь и прошедший войну, один из наших моральных ориентиров, на встречах в нашем Университете неоднократно говорил: «У меня есть твердые ценности». Означало ли это, что он жил, не совершая ошибок? Нет, в его жизни были сложные периоды, особенно после войны. Но человек, переживший тяжелейшие испытания и исповедовавший твердые ценности, считал, что самое главное в жизни — любовь, не только между мужчиной и женщиной, но и любовь к Родине, городу, людям и т. д.

Вопрос ценностей — центральный в жизни. Когда у человека есть ценности и твердые убеждения, у него появляются соответствующие цели, которых он стремится достичь. В зависимости от того, правильные ли он выбрал ценности

и цели и опирался ли на них, он получает соответствующие результаты, старается избегать ошибок, имеет возможность достичь вершин бытия.

В основе человеческой жизни лежат ценности, которые, безусловно, связаны с целями. Положение, которое не оспаривается представителями разных наук, звучит так: наличие целей деятельности отличает человека от животного. Поведение свойственно и человеку, и животному, а цели и деятельность — только человеку. Там, где есть деятельность, обязательно должны быть цели, потому что это осознанный процесс.

Что такое ценности? Это нечто очень важное, то, что мы поддерживаем и в соответствии с чем выстраиваем жизнь. Семья, труд, дружба, отношение к стране и старшим — комплекс вроде бы простых ценностей. А насколько люди его принимают? Чтобы поверить и принять что-либо, люди должны быть в этом убеждены. Здесь важно эмоциональное переживание, которое мы получаем в деятельности. Каждый должен осмыслить и выбрать свои ценности.

На протяжении жизни мы нередко сталкиваемся с проблемами, когда должны выбирать, каким ценностям служить, подтверждая это своими поступками, то есть происходит соотношение нашего поведения с декларируемыми ценностями. А для государства и системы образования, вообще для общественной и государственной жизни важно, чтобы процесс осмысления ценностей происходил и у нового поколения, то есть каждое поколение должно их переосмыслить и принять самостоятельно.

В связи с этим возникает вопрос, что должны делать органы образования. Образование — это обучение плюс воспитание и самовоспитание. Мы должны помогать студентам заниматься самовоспитанием, опираясь на ценности. И не толь-

ко потому, что вышел соответствующий указ — это лишь подчеркивает важность проблематики. Я не могу издать приказ, предписывающий студентам Университета исповедовать определенные ценности. Мы должны их обсуждать, проводить дискуссии.

Поэтому в преддверии сегодняшней встречи я направил своим коллегам-ректорам письмо, содержащее информацию о планируемой научной дискуссии с участием двух столпов отечественной философии, жизнь которых связана с осмыслением проблематики ценностей. Мои коллеги по философскому и культурологическому сообществу понимают, насколько имена Гусейнова и Лекторского много значат. В России существуют научные институты, осмысляющие проблематику ценностей, это их профессиональная задача. И первый из них — Институт философии — сокровищница, в которой сосредоточены практически все значимые философские знания человечества.

Сейчас свой доклад представит директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП Абдусалам Абдулкери-мович Гусейнов.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Доброе утро, коллеги! Александр Сергеевич, Вы не только указали место, с которого выступающему следует говорить, но и предмет, о котором ему надо говорить. Наша тема обозначена: «Ценности как философская проблема». Вы уже дали некоторое представление об этом предмете. Почему бы его не считать философским?! Это одна из версий философского понимания ценностей. Вы предложили, я бы сказал, даже новое толкование слова «ценности», соотнесли его с центром: ценности — центр.

А еще Вы связали ценности со способностью осуществлять выбор в жизни. Согласен и с тем, и с другим. Это и центр, основной вектор нашей деятельности, и как понятие оно прямо связано с нашей способностью осуществлять выбор. Я бы только добавил, что это не сам выбор, а основание, опираясь на которое, мы осуществляем выбор. Это не непосредственный выбор между разными задачами, путями, возможностями, а тот исходный пункт, некое абсолютное, если хотите, начало, отталкиваясь от которого мы совершаем этот выбор.

Когда я готовился к сегодняшнему разговору и задумался, что же такое ценности, невольно пришли в голову строчки Лермонтова: «Есть речи — значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно». Речи о ценностях являются именно таковыми. И непонятными, загадочными и в то же время страстными, вызывающими волнение.

I

Предлагаю начать наш разговор с определения ценностей, которое дано в «Новой философской энциклопедии» и в известном смысле фиксирует таинственную привлекательность самого предмета. Цитирую (с небольшим сокращением): «**Ценность** — одна из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, „атомарные“ составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности <...> которые конституируют ее внутренний мир как „уникально-субъективное бытие“. Историческая и логическая контаминация философского понятия ценности и основной категории политэкономии — „стоимость“ (ср. „цена“), с одной стороны, и его близость другим понятиям, маркирующим интенциональность индивида — прежде всего „благо“ и „цель“ —

с другой стороны, обуславливает сложность „обособления“ понятия ценности в его историческом развитии»¹.

В этом определении собраны, можно сказать, спрессованы, характеристики, которые общественное сознание соединяет с понятием ценности. Из него мы узнаем очень важные вещи. Прежде всего, ценности существуют во множественном числе, они «атомарны», это — не луч, пронизывающий темноту, а фейерверк, освещающий небо.

Дальше мы узнаем, что это голос из иррациональных, темных глубин человеческой души. Именно об этом идет речь, когда говорится об интенциональных структурах личности. Они выражают устремленность личности, и не просто устремленность, а основную (и в этом смысле действительно центральную, глубинную) устремленность, выражающую ее уникальное субъективное бытие. В ценностях и через ценности субъект выражает и утверждает самого себя, являет себя тем, кем он на самом деле является или, по крайней мере, хочет явиться.

И самое главное, мы узнаем, что этот голос ждет своего адекватного рационального оформления. Он ищет сознательного (прежде всего вербального) воплощения. Как явствует из определения, ценности тяготеют к понятиям двоякого рода:

- а) они склонны соединяться, смешиваться с экономическими понятиями стоимости и цены, и
- б) близки к нравственным понятиям цели и блага, которые обозначают намерения индивида, его интенциональность.

Давайте попытаемся взглянуть «на подземное царство» ценностей и ответить на вопрос, что это такое, отталкиваясь от его рациональных «выхлопов» в области экономики и нравственности.

¹ Шохин В. К. Ценность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. IV. С. 320–321.

Действительно, русская этимология слова «ценность» восходит к слову «цена» и производным от него: ценный, ценить. В словаре В. Даля цена отсылает к стоимости, оценке, к тому, что действует при продаже и покупке. Она определяется как то, во что товар ценится при продаже и покупке. Многочисленные примеры употребления этого слова связывают его с процессом выбора, взвешивания, с предпочтением того, что ценится выше. Сам выбор при покупке обозначается словом «цененье». В одном случае как бы случайно складывается слово «ценность»: «По ценности книг, не могу запастись ими», оно обозначает слишком большую цену. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде примеров словоупотребления обнаруживается такой взгляд на цену, который словно стремится вырваться за ее понимание как фактора, присутствующего при покупке и продаже, как бы сбросить с нее сдавливающую меркантильную оболочку: «Ценою здоровья не желаю купить себе славы», «нужда цены не знает», «этому человеку здесь цены не знают», «ценить... кого, определять достоинство, нрав, заслуги человека или поступков его»¹.

Словом, при работе с понятием цены сам язык обозначает такие ходы, которые выводят за скорлупу экономической скованности. Уместно заметить, что слово «ценность» в других европейских языках — немецком, английском, французском — это то же самое слово, которое обозначает экономическую категорию стоимости. Скажем, закон стоимости Маркса, если бы мы переводили буквально с немецкого оригинала, в русском переводе был бы законом ценности (кстати, некоторые авторы так и делают, создавая содержательную неразбериху)². В русском языке счастливым образом эти два понятия и слова разведены и тем самым термин

¹ Даль В. И. Цена // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578.

² Васина Л. Л. Возвращаясь к напечатанному: еще раз о терминах «ценность» и «стоимость». URL: <http://marksizm.ucoz.ru/publ/56-1-0-747>.

«ценность» оказался защищенным от смешения с экономическим, потребительским измерением, жесткой замкнутости именно на экономику, на потребительство. Об этой внутренней конфронтации понятия ценности со своей этимологической основой (ценой) свидетельствует их привычное сопряжение в нашем гуманитарном лексиконе. Они, как правило, сопрягаются в форме противопоставления: не цена и ценность, а цена **или** ценность.

В качестве иллюстрации, даже не иллюстрации, а доказательства, мог бы сослаться на один показательный пример. Некоторое время назад была предпринята попытка навязать нам публичную дискуссию по такому вопросу: стоила ли оборона Ленинграда тех жертв, которые были принесены ради нее. И надо сказать, что она была отвергнута сразу и очень дружно, и на официальном уровне, и на низовом как кощунственная, невозможная и ложная. И мне кажется, этот исторический урок (и сам трагический подвиг обороны, и святость памяти о ней) исключителен для понимания того, что такое ценность.

Конечно, экономическая цена, и ценность пользы, и естественное стремление к пользе — это важные аспекты человеческого существования и его отношения к миру, этого никто не отрицает, да это и невозможно. Но это не раскрывает нам сути самого понятия ценности и ее действительного значения в жизни человека. И если это имеет отношение к цене, и мы хотим подойти к понятию ценности через привычное нам сопоставление с понятием цены, то можно сказать: **ценность есть то, что не имеет цены** (находится за ее пределами, то, что выше цены).

Пусть это будет нашим первым ответом на вопрос, что такое ценности. Вы можете сразу спросить, а как же быть с тем фактом, что их много, а раз много, то неизбежно их сопоставление, сравнение, выбор. В рамках данного рассуждения можно ответить: ведь и вещей, которые не имеют

цены, тоже много. Но тем не менее, это законный вопрос, и давайте запомним его также для последующих рассуждений, а пока согласимся, что мир ценностей — это другой мир, другое пространство, в котором нет сопоставлений, взвешивания и оценивания. Кто выше — Пушкин или Лермонтов? Кого ты любишь больше — папу или маму? Что дороже — жизнь или честь? Все ценности равны сами себе. Давайте пока зафиксируем эту мысль, обозначив ее содержание как пространство предметов, которые не имеют цены, превышают любую цену.

Хочу в этой связи сослаться на статью, которая затерялась в одном из многочисленных сборников тезисов, и делаю это как приветствие присутствующим сегодня в зале своим коллегам, преподавателям философии и культурологии, знак уважения к их великому, часто не замечаемому труду. Это небольшая статья профессора Вл. А. Лукова под названием «Концепт „ценность“ в свете этимологии». Вот вывод, к которому он приходит: «Тем не менее, можно выделить некий общий смысл, который соединяет исходное понимание ценности в русской культуре, насчитывающее много веков, и все его научные интерпретации, появившиеся в последние десятилетия: ценность — это все то, что дороже денег. Если это вещь, то за нее не жалко отдать запрашиваемые деньги. Если это люди (родители, родственники, друзья, любимые, герои, кумиры и т. д.) или понятия (Родина, свобода, дружба, любовь, молодость, здоровье, искусство, наука и т. д.), то и в этом случае они относятся к ценностям, если воспринимаются как бесценные, то есть более значимые, чем любые деньги. Наконец, если сами деньги воспринимаются как ценность, они тоже становятся бесценными — утрачивают количественную сторону»¹.

¹ Луков М. В. Концепт «ценность» в свете этимологии. URL: <https://textarchive.ru/c-1846811-p6.html>.

А что же находится выше цены, за этими пределами? Что не имеет цены, является бесценным? Это и есть пространство морали, пространство целей, блага. И тогда мы попадаем в другую область, в которую нас ведет опять-таки сам термин «ценность». Отнесенность к целям — это второй, хотя и не такой явный, как предыдущий, аспект этимологии слова «ценность». Ведь цель — это не только мишень, это еще и целое: «Цель: первоначальное значение слова „мишень, мета“, но уже в начале XVIII века и отвлеченное, переносное значение: предмет стремлений, то, к чему стремятся»¹. Тем самым мы уже попадаем в область целевой — сознательной — деятельности человека.

Человек — это живое разумное существо. И человеческая деятельность есть сознательная деятельность. Человек тем и выделяется из природы, что для того, чтобы что-то совершить, существовать, быть, чтобы просто жить, он должен запустить механизм сознательного действия. Он должен прежде поставить перед собой цель, к которой будет стремиться, и которая будет руководить всеми его последующими действиями, направляющими к данной цели. Без этого человек просто не может существовать как живое существо.

Цель всегда является благом. Она потому является благом, что человек ее (цель) выбирает и ставит перед собой сам в качестве лучшего, оптимального для себя в соответствующей сфере и ситуации деятельности. Если другие, неразумные живые существа оснащены инстинктивными механизмами, поддерживающими их существование, то человек реализует свое существование через механизм целесообразной деятельности.

Самые общие моральные рамки деятельности человека потому и обозначаются как выбор между добром и злом, что

¹ Виноградов В. В. Цель // Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 1044.

сама эта деятельность в своей целеустремленности всегда осознается действующим субъектом как благо. Человек никогда не выбирает зло. Он не может этого сделать, как говорится, по определению. Механизм целесообразной человеческой деятельности прямо противоположен природному механизму причинности. В природе все связано и устроено так, что одни объекты и состояния порождают другие объекты и состояния, первые являются причинами вторых и предшествуют им, вторые являются их следствиями, следуют за ними. Эта связь объективна.

В случае человека действует обратный механизм. Ведь цель, которую мы ставим и которая определяет наши последующие действия, есть то, к чему мы стремимся, это тот результат, который мы хотим получить. Здесь, если рассуждать в логике причинно-следственной связи, следствие предшествует причине и порождает ее. Механизм целесообразной деятельности прямо противоположен природному механизму причинной (каузальной) связи.

Но как такое возможно? Это все равно, как если бы человек ходил вверх ногами. Это возможно потому и в той мере, в какой человек подбирает и создает средства, которые адекватны поставленной цели и могут привести к ней. Средства же нас привязывают к земле, к фактам, реальным возможностям. Цель деятельности — это ее конечный пункт, средства — способ ее достижения. Цель идеальна, средства реальны. Цель вынесена в будущее, средства находятся в настоящем, они наличествуют или вы знаете, как их создать.

Цель существует только в связке со средствами. Но при этом, разумеется, она никогда не может полностью совпасть со средствами, вместиться в них. Если бы это было не так, то не было бы никакого смысла в самом механизме целесообразной деятельности. Ведь смысл этого механизма именно в том, чтобы пробиться в новую реальность, в будущее,

создать нечто другое, более совершенное, чем то, что создала природа, пробиться в иную точку, чем та, в которой ты находишься.

Ключевым при этом является вопрос о единстве цели и средств. Цель приобретает действенность и становится началом успешной деятельности, соединившись со средствами, через средства она воплощается в реальность. Тем самым судьба цели как цели находится в руках средств. В диалектике целей и средств Гегель решающим звеном считал именно средства, известен его афоризм, что плуг почтеннее, чем наслаждения, которые с его помощью достигаются. В данном случае идеалист Гегель рассуждал вполне материалистически: цели людей оказываются осуществимыми постольку, поскольку они возникают тогда, когда существуют или могут быть созданы условия (средства) для их выполнения.

При таком понимании, однако, теряется сама идея целеполагания, ее сверхприродная специфика. И мы в своем целеполагании уподобляемся фокуснику, вытаскивающему из-за пазухи кролика, которого он заранее там припрятал. Если же мы здесь имеем другой — именно сверхприродный — механизм, и цели никогда не совпадают со средствами, то ключевой вопрос может состоять в следующем: как цели, оставаясь целями, а не фантазиями и мечтами, могут порождать средства? Как мы через механизм целеполагания (целесообразной деятельности) можем из себя и мира вытащить что-то такое, чего там нет?

Это возможно в двух случаях. Если бы практические возможности человека были такими же безграничными, как безграничны его возможности формулировать эти цели. То есть если бы сам человек был всемогущим существом и мог бы пересоздать саму природу с такой же свободой, с какой может трансформировать свои желания в цели. Если бы,

скажем, человек был таким же всемогущим, как, например, Бог — понятие, которое человек как раз и придумал для такого существа. А вторая возможность была бы только в том случае, если бы у нас существовали такие цели, которые сами содержат в себе свои средства, то есть сами по себе достаточны и для них не нужно никаких других средств, кроме доброй воли того, кто эти цели ставит. И вот здесь мы попадаем в область морали, моральных целей.

Аристотель, впервые выделивший практическую философию наряду и в отличие от познания природы, давший ей название этики и предложивший ее первую (остающуюся до наших дней самой цельной) систематизацию, поместил ее в пространстве целесообразной человеческой деятельности.

Он констатировал: человеческие цели суть блага. Они представляют собой синтез чувств (желаний) и разума — тех чувств, которые ищут осознанного выхода, и указаний разума, чтобы следовать им, подобно тому, как послушный сын следует советам отца, того разума, который рассудителен и обладает знанием того, что связано с поступками, с правильным выбором, и подобен разуму отца, который никогда не пожелает зла своему сыну. «Назначение [человека] выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность [делает правильными] средства для ее достижения»¹.

Мир человеческих поступков, поскольку они являются осознанными добровольными актами, существует в форме целесообразных действий. Как многообразен мир человеческих потребностей, так же многообразен мир человеческих целей. Взаимосвязь мира потребностей обеспечивается единством мира целей, которые связаны между собой та-

¹ *Аристотель. Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 187.

ким образом, что то, что является целью в одном отношении, оказывается средством по отношению к другой, более важной цели.

Аристотель приводит такой пример: человек поставил цель овладеть искусством управлять лошадьми, для чего он научился средству — делать уздечки; эта цель в свою очередь становится средством для другой цели — успешно вести войну; а цель, с которой ведется война, — это победа...

Возникает вопрос: а где в этой цепочке внутренне связанных переходов от целей к средствам, в этой сложной паутине, окутывающей индивида, некая завершающая точка, которая была бы последней, высшей целью? Необходимость наличия такой итоговой точки является несомненной, ибо без этого не может быть запущен сам механизм человеческого целеполагания. Как логика закона причинности неизбежно при своем последовательном продумывании упирается в вопрос о первой причине, так и логика целесообразности приводит к вопросу о последней цели.

И так как всякая цель — это благо, то последняя цель — это высшее благо. Это такая цель, которая уже не может стать средством. Это такое благо, выше и лучше которого ничего не может быть и по отношению к которому лишается смысла вопрос — а для чего это надо. Аристотель говорит, что люди таким высшим благом считают счастье.

Бессмысленно и глупо ставить вопрос: а для чего человек хочет быть счастливым? Да кажется, не только во времена Аристотеля, но и сегодня никто так вопрос не ставит. Сформулировав саму эту идею, что должна обязательно существовать некая последняя цель, которая уже никогда не может быть низведена до уровня средства, он задается вопросом: а как эта последняя цель, которая присутствует во всей целесообразной деятельности человека, ибо без нее она бы не

могла состояться, как она косвенно соучаствует на всех предыдущих этапах? Аристотель дает такой ответ. Высшая одухотворяющая всю целесообразную человеческую деятельность цель или, что одно и то же, высшее благо присутствует в форме нравственных добродетелей, относительно которых все согласны, что они представляют собой нечто завершенное, самодостаточное.

До нас дошли и сохраняют свою жизненную силу четыре кардинальные добродетели Античности, санкционированные философией: умеренность, мужество, справедливость, мудрость. Аристотель дает свой табель из десяти индивидуальных этических добродетелей, добавляя к ним полисные добродетели справедливости и дружбы. В контексте нашей темы более важны общие опознавательные признаки этических добродетелей: они

- а) являют себя в форме конкретных единичных поступков и
- б) заключают свою ценность в себе, которая не опознается и не сводится ни к их предшествующим мотивам, ни к последующим следствиям. Каждая этическая добродетель единственна в своем роде и самоценна.

К примеру, Аристотель свой ряд отдельных добродетелей начинает с мужества, называя его способностью безбоязненно встретить достойную смерть и все, что непосредственно грозит смертью. Выявляя признаки, позволяющие идентифицировать добродетель мужества, он подчеркивает, что нельзя его сводить к смелости, которая также является безбоязненностью, но вызвана теми или иными внешними мотивами — жаждой мести, самонадеянностью, неопытностью, стремлением к почестям и т. п. Мужественный поступок — это поступок, который является выражением нравственной стойкости, совершается потому, что быть мужественным — это достойно, прекрасно. Такими

же прекрасными в своем роде являются и другие этические добродетели: умеренность — по отношению к телесным удовольствиям и в первую очередь к тем из них, которые являются общими у человека и других животных; щедрость — нравственное совершенство в поступках, касающихся денег и т. д.

Высшее благо обнаруживает себя, соучаствует во всей сознательной человеческой деятельности через добродетельность отдельных поступков, совершаемых каждым конкретным индивидом. Замкнутость высшего блага, этой итоговой точки, или, если воспользоваться другой метафорой, этой сердцевины всей системы целесообразной человеческой деятельности, на конкретные единичные индивидуальные добродетельные поступки является исключительно важной для понимания феномена ценности.

В той мере, в какой ценности обнаруживают сходство с миром целей и благ, мы можем уподобить их высшей и последней цели, за которой уже ничего нет и не может быть, являющейся уже не целью, которую следует достичь, не началом, требующим средств для новых действий, а их окончательным итогом, делающим бессмысленными (ненужными) всякие действия. И тогда мы можем сказать, что **ценности — это высшие цели деятельности человека, которые, оставаясь целями, являются в то же время его святынями.** И обнаруживают они себя в **добродетельных поступках, которые ценны сами по себе, светят своим собственным светом.**

Но возможны ли такие добродетельные поступки? Ведь нравственная чистота поступка не существует без его чувственного, предметно ограничивающего и в этом смысле всегда меркантильного содержания. Не случайно появилась привычка не прикасаться к священному руками. Кроме того, самоценность нравственных поступков предполагает,

что они являются таковыми для всех людей, так как человек разумен не просто как живое существо, но и как существо общественное.

Разум — не только важнейшее организующее начало природной конституции человека, но такое же средство обеспечения его общественного бытия. Это означает, что общественные формы существования людей так же становятся ограничениями их нравственных поступков, как и их природные желания. В данном случае также уместна аналогия со святынями: святыни для одних являются обычными предметами для других. Самоценность нравственных поступков не поддается рациональному обобщению из-за их единственности. Тем самым оказывалась под вопросом сама идея высшего блага как практически работающего принципа.

Выход из этого затруднения предложил И. Кант в рамках совершенного им коперниканского переворота в философии. В отличие от господствовавшего мнения, согласно которому познание соотнобразится с предметами, он предложил взгляд, рассматривающий познание как априорную деятельность, независимую от опыта. Человеческое сознание, конечно, всегда начинается с опыта и ограничивается им, но общее и объективное знание мы получаем благодаря доопытным понятиям разума. Только благодаря такому соединению изначальных категорий разума с непосредственным опытом мы познаем мир, отделяем истину от заблуждений.

Но откуда разум берет свои категории и что он собой представляет в тех чистых безусловных истоках, когда он опирается сам на себя? Поднимаясь по лестнице теоретического разума в стремлении раскрыть единство априорных понятий, разум оказывается в такой точке, когда он выходит за сферу опыта вообще, в том числе возможного. Он попадает в область таких вопросов, от которых, как говорит Кант, не

может освободиться, так как они вытекают из его природы, и на которые он не может ответить, так как они превышают его возможности.

Что это за вопросы? Это такие предельные вопросы, которые нас повергают в неразрешимые противоречия, антиномии, и утвердительные ответы на которые столь же обоснованны, как и отрицательные (мир конечен — мир бесконечен; в мире существует свобода — в мире господствует причинность; существует первопричина — не существует первопричины; все состоит из простых частей — не существует ничего простого). Не буду углубляться в их логические дебри, скажу только, что кантовские антиномии связаны с вопросами, в которых зашифрованы живые, возникающие в сознании каждого человека проблемы существования Бога, бессмертия души и свободы воли. Дойти до самих первооснов разума, истинности или ложности антиномий, мы не можем.

Но тем не менее оказывается, что в рациональном опыте человека существует потребность в безусловных абсолютных истинах. Такова его потребность найти нечто абсолютное. Об этом свидетельствует факт наличия морали. То, до чего не мог дойти теоретический разум, обнаруживается как факт практического разума и присутствует в сознательной человеческой жизни в качестве долга.

И Кант формулирует безусловный закон разума, который предшествует всем рациональным действиям и лежит в их основе, является последней отправной точкой рационального взгляда на мир. Это его знаменитый нравственный закон, имеющий в человеческом разуме форму категорического императива. Он предписывает человеку действовать по таким максимам (правилам, мотивам), которые могли бы быть требованиями всеобщего законодательства, то есть которым могли бы следовать все люди. И в том случае, когда

они могут сделать это, совместить одно с другим, они поступают нравственно.

Категорический императив выступает как долг, как формула долга, того последнего основания, от которого должен отталкиваться и к чему должен примеряться действующий индивид для того, чтобы оказаться в пространстве сознательной разумной деятельности. Нравственный закон есть в то же время закон человечности, одна из его формул предписывает всегда относиться к человеку так же, как к цели, и никогда только как к средству. Понятый таким образом нравственный закон, утверждая достоинство действующего индивида, связывает его в целое со всеми другими людьми.

Здесь возникает вопрос: как он обнаруживается в поступках? Это ведь нравственный закон, не призыв, не обещание, не декларация, а закон, он должен быть включен в реальный процесс жизнедеятельности человека, воплотиться в его действиях. И включен как закон, то есть безусловно. Вообще нравственность — это про поступки человека, не про намерения, обещания, клятвы и пр. Категорический императив Канта прямо связан с тем, что и как делает человек, с его индивидуальными действиями. Он является условием, которое ограничивает действия человека, обозначает тот предел, своего рода красную линию, которую он не может (не должен) переступать без того, чтобы не потерять уважение к себе и не уронить своего достоинства.

Если мы рассмотрим реальных людей и те поступки, которые они совершают, то, возможно, мы не найдем ни одного случая, когда бы поступок был совершен ради одного этого закона, ради долга. Люди не могут руководствоваться исключительно нравственными мотивами. Мир человеческих мотивов очень, я бы даже сказал, необъятно богат и разнообразен, он формируется природой человека, его психоло-

гией, социальной средой, случайностями биографии, конкретностью ситуаций и т. д.

И если говорить о моральных требованиях, то когда они выступают как безусловные и абсолютные требования, они приобретают (могут приобретать) действенность только в форме ограничивающих условий, запретов. И единственное, что человек безусловно и гарантированно может сделать, это отказаться от каких-то действий в том случае, если они противоречат нравственному закону. Тем самым категорический императив морали выступает в жизнедеятельности человека как предельная абсолютная линия, обозначающая разумность человека, его достоинство и человечность, как тот критерий, который позволяет ему осуществлять выбор между добром и злом. Он существует в статусе нравственного долга: это значит, что применительно к нему уже лишаются смысла вопросы, почему и откуда он проистекает, он сам указывает нам, куда и как нам идти. То, что в этике Аристотеля именовалось высшей, последней целью, в этике Канта называется долгом.

Так мы подошли к еще одной характеристике ценностей: **ценности существуют как долг, они обозначают то, каким действующий индивид должен был бы быть, если бы это зависело только от его доброй воли.**

После Канта ценности становятся особой философской проблемой. Она возникает в связи с потребностью найти им место в рамках целостного взгляда на мир, согласовать с научным подходом к нему. Проблема состоит в следующем: присутствует ли наряду с научным взглядом, который рассматривает существующий мир объективно, таким, каков он есть сам по себе, также и другой — ценностный — взгляд, который показывает, какова его значимость для человека и каким он должен был бы быть, если смотреть на него разумно и быть достойным этого?

В философии выделился особый раздел со своим предметным полем и методами, изучающий ценности и получивший название аксиологии. Если наука имеет дело с объективным миром фактов и законов, то аксиология — с одухотворенным человеческим миром благ, целей, идеалов.

Вот несколько примеров такого подхода. В. Виндельбанд определял философию как учение об общезначимых ценностях; он ввел различие методов естественных наук и исторических дисциплин, считая, что последние имеют дело не с законами, а с уникальными явлениями. Г. Риккерт продолжил это разделение методов познания, назвав методы наук о природе генерализирующими, а исторический метод — индивидуализирующим; он считал, что философия культуры есть наука о ценностях.

А вот мнение Н. О. Лосского, написавшего книгу «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» (1931): «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них. Все сущее или могущее быть и вообще как-либо принадлежать к составу мира таково, что оно не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия: обо всем можно сказать, что оно хорошо или дурно, что должно или не должно, следует или не следует, чтобы оно было, что оно существует по праву или против права (не в юридическом смысле этого слова)»¹.

¹ Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж, 1931. С. 5.

II

После такого общего обозначения ценностей как философской проблемы хочу вернуться к той конкретности в обсуждении проблемы ценностей, которая придала ей сегодня особую актуальность, даже сделала вопросом злобы дня, о чем сегодня говорил в своей вступительной речи Александр Сергеевич. Проблема ценностей включена в сегодняшнюю повестку дня идеологической жизни Российского государства и общества Указом Президента РФ В. В. Путина от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей».

Оставляю в стороне юридический аспект данного Указа, одной из нормативно-правовых основ которого явилась обновленная Конституция. Замечу, что в подготовке Конституции, особо важного для страны документа, активную роль играла академик Талия Ярулловна Хабриева, Почетный доктор нашего с вами Университета, чьи труды в этих стенах обстоятельно изучаются. Не претендуя на всесторонний анализ Указа в его политических, педагогических и других аспектах, да и не имея возможности осуществить такой анализ, хотел бы, оставаясь в рамках общеполитического подхода, рассмотреть следующие вопросы:

- 1) почему традиционные ценности?
- 2) что это означает?
- 3) каков нравственный статус выделенных ценностей?
- 4) насколько полным является их состав и строгим их порядком?

1. Первая ассоциация, связанная с понятием традиции, традиционности, обращает нас к прошлому. Традиционные ценности — это ценности, которые пришли к нам из прошлого. Мы, получившие этот Указ как документ, не знаем

ту конкретику (готовивших его лиц и департаменты, предварявшие его научные доклады, споры, черновые варианты и т. п.), в которой он рождался.

Но если рассмотреть его в свете общих тенденций и особенностей, характеризующих современное развитие и историческую ситуацию российского общества, то данный указ объективно, по своему реальному воздействию на общественное сознание, является реакцией и ответом на то, что можно назвать забеганием вперед, чрезмерным упованием на будущее.

Мы как страна, народ, общество и государство за последние 35–40 лет пережили два глубоких духовных кризиса, связанных с крахом своих идеалов и разочарованием в будущем. Во-первых, крах коммунистического идеала, который вместо всеобщего изобилия и братства народов обернулся развалом великого государства. Во-вторых, крах либерального идеала, когда мы вместо свободы и жизненного комфорта на «благостных» просторах демократического Запада оказались на грани вседозволенности и попрошайничества. Эти два последовавших друг за другом и глубоко травмировавших общество падения стали предостережением — не отрываться от земли, истории, прошлого, традиции, от собственных святынь. В этом смысле рассматриваемый Указ вписывается в стратегию российского реализма. Он является предостережением от новой утопии.

Его можно также считать реакцией на новую геополитическую карту мира. Эта карта сегодня характеризуется переходом от однополярного вестернизированного мира к многополярному, от глобализма в мышлении к взаимосвязи, диалогу различных культур. А если это так, то, значит, и культура, и ценности, которые являются сердцевинкой культуры, каждый раз имеют свой неповторимый облик. Подчеркивание традиционного характера ценностей явля-

ется признанием их национально-исторической культурной специфики.

2. Понятие традиционности акцентирует связь ценностей с прошлым. Но равносильно ли это призыву: «Назад в прошлое»? Означает ли, что мы должны лелеять само прошлое из-за того, что оно — прошлое? Считать ли нам своими ценностями все то, что считалось таковым в прошлом? Как иногда, утрируя понятие традиции, спрашивают: должны ли мы вернуться к домострою? В прошлом были эпохи разных ценностных ориентаций — какие из них отнести к обязывающим традициям? Если у нас на повестке дня традиции, прошлое, то как быть с новациями, с будущим? Эти, хотя и абстрактные, но естественно возникающие и в рамках дискуссии вполне закономерные вопросы подводят нас к проблеме историчности бытия человека, своеобразию времени как фундаментального измерения человеческой жизни.

Бытие и время — это сложнейшая проблема философии, ее самая труднодоступная глубина. Время связано с движением, выражает его направленность и обнаруживается в человеке благодаря сознанию, которое фиксирует (запечатлевает) свое бытие таким, каким оно существует (как настоящее, «теперь» по Аристотелю), и делит его на «до» и «после», вытягивает его в сплошную линию наподобие летящей стрелы. Человеческая жизнь, как и осознаваемый человеком мир в целом, рассмотренные в аспекте времени, делятся на три части: прошлое — настоящее — будущее (до — теперь — после; было — есть — будет). Разделительной линией является настоящее (теперь, есть): прошлое — все, что было раньше, до; будущее — все, что будет после. Настоящее — это именно точка схождения прошлого с будущим, перехода прошлого в будущее, оно не делит время, а соединяет его, обеспечивает непрерывность, укореняет человека в бытии таким образом, что время проходит через него и само его бытие является

длящимся. Это разделение времени на три части важно не только для счета, описания способа существования в режиме времени, но и для самого этого способа существования.

Объективное знание как научное знание — это знание того, что есть, то есть знание настоящего. А настоящее в жизни — это не частица времени, а миг, отделяющий прошлое от будущего, как поется в одной популярной песне. Сам этот миг не является особой, пусть нейтральной, буферной зоной, он не имеет своего предметного чувственного воплощения, будучи способом соединения прошлого и будущего, которые суть его реальные части. Его самого по себе как факта, поддающегося измерению, не существует. Ибо любое время «после», каким бы минимальным оно ни было, оно уже начало будущего. И любое время «до», каким бы малым оно ни было, уже принадлежит прошлому, есть его конец.

Настоящее приобретает реальность и научную достоверность только как синтез прошлого с будущим, как соединение первого со вторым, и в этом смысле прошлое и будущее человека суть части настоящего, два конца этой летящей стрелы. Оказывается (и для понимания традиционности как предмета нашего интереса это самое важное!), что способ интегрированности человека в шкалу времени и способ осмысления его частей является разным — а именно, человек помнит прошлое и может знать его, но он не может помнить будущего, не имеет опыта будущего и обращен к нему своими желаниями и устремлениями. Поэтому-то, в отличие от других живых существ, способ существования которых в своей основе инстинктивно закреплен, деятельность человека имеет свободно программируемый целесообразный характер.

Из сказанного выше следует: понятие традиционных ценностей как ценностей, идущих из прошлого, нашей истории, опыта предков, можно осмыслить как необходимость опоры на научный подход к изучению и пониманию ценностей,

как основу для выработки нравственно адекватной человеческой стратегии будущего, такого будущего, которое явилось бы продолжением нашего, именно нашего прошлого, возможностей и идеалов, опиралось на наши силы и способности, а не на американского дядюшку или небесное чудо.

Как говорил Александр Александрович Зиновьев, нам не надо искать свое счастье на Западе не потому, что он плох, он, может, даже очень хорош, а потому, что это место уже занято. Это не уход от современности, а, наоборот, ее трезвое, реалистичное прочтение. Человек, будь это отдельные личности или коллективные субъекты, не может уйти от своего прошлого, он несет его в себе, он, будучи живым, может только продолжать его, оставаясь ему верным: уважая, возвышая, улучшая, извлекая уроки, очищая, или напротив, изменяя ему: предавая, ломая, искажая, разрушая.

Увы, другого человеку не дано. Он может отказаться от своего прошлого, но этот отказ также будет способом (притом самым плохим и отвратительным) его отношения к нему. Я в детстве поранил ногу. Шрам, оставшийся на теле, с тех пор всегда со мной. Также моя прошлая жизнь запечатлена (в самых разнообразных формах: явно, громко, скрытно, тихо, прячась, забываясь и так далее, но неистребимо) в моей ментальности.

3. Философский статус традиционных ценностей, выделенных в Указе, определяется тем, что они обозначены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России». Здесь важны все три слова: нравственность, мировоззрение, граждане России. Эти три слова и понятия предвещают сам формулируемый в следующем параграфе перечень из 17 конкретных духовно-нравственных ценностей.

Эти ценности не содержат ничего неожиданного, они вполне укладываются в господствующую общую тональность гума-

нистически ориентированных представлений современных обществ: повседневных нравственных норм, международного права, философских идеалов. Все люди в нормальном здравом уме, если не инфицированы какой-нибудь конченанавистнической сектантской идеологией, принимают и даже охотно декларируют их. Там нет ни одной ценности, которая не была бы приемлема для всех разумных людей, сформировавших свои общие представления о мире в рамках и на основе культурного богатства, которое выработало человечество в прошлом. А тогда какой же смысл нам специально выделять их и оформлять в виде особого указа?

Я думаю, реальный смысл заключен в том, чтобы воспринять их как нравственные обязанности, прочитать их, примеряя на себя и воспринимая как реальные цели для самих себя. То, что мы подчеркивали в понятии ценностей, а именно, соединение их предельно абстрактного смысла с таким же предельным, но уже точечным смыслом конкретных поступков, можно рассматривать как методологический подход к традиционным ценностям. Они традиционны в той мере, в какой каждый из нас, каждый гражданин России культивирует их в своих поступках. Если они суть нравственные принципы, то ответом на них могут быть только персональные поступки. Именно поступки, ибо нравственность начинается там, когда говорят не слова, а дела.

Что касается публичных властей, то их задача способствовать, помогать этому. Александр Сергеевич говорит, что он не может издать приказ о том, чтобы следовали этим ценностям. Разумеется, нет: это, скажу мягко, было бы излишне. К тому же такой приказ уже издан, он называется Указ № 809. Но, тем не менее, все ректорские приказы и распоряжения, другие публичные мероприятия, взаимоотношения в коллективе, словом, вся атмосфера Университета вполне могли бы быть рассмотрены под углом зрения следования традиционным ценностям.

4. Наконец, последний вопрос: насколько полным является состав традиционных ценностей и строгим их порядок? Что касается полноты состава, их, наверное, могло быть и больше, и меньше. Не знаю, возможно ли и целесообразно ли ставить задачу исчерпывающе охватить традиционные ценности. Важно, что предложенный набор из семнадцати традиционных ценностей имеет свои богатые и яркие образцы воплощения в отечественной культуре и охватывают разные и, несомненно, важные стороны жизни человека и общества.

Ценности — это открытая система, и даже вершинные среди них, такие как добро, истина, красота, свобода, равенство, братство, постоянно изменяются и конкретизируются. Даже то, что некоторые из них здесь не представлены, не меняет общей картины. Мы понимаем, что они вполне могли бы быть. Здесь важен общий дух, направленность Указа о традиционных ценностях.

Сказанное относится также к вопросу об их порядке. Здесь вряд ли стоит выстраивать жесткую конструкцию и иерархическую систему, как это делали отдельные философы. Я бы даже допустил, что здесь возможны разные системы в зависимости от субъектов, форм деятельности, конкретных обстоятельств.

Указ также порожден современной исторической ситуацией, которая обязывает рассматривать традиционные ценности под углом зрения национальной безопасности, видеть в них нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, укрепление единства страны и сплочения народа.

Говоря о возможном порядке (строе) ценностей, я бы обратил внимание на то, что он начинается с жизни и кончается единством народов России. Ценности — это высшее

выражение разумности, разумного устройства жизни, а разум присущ человеку как живому существу, он вторичен по отношению к жизни. Отсюда: ценность жизни имеет абсолютный характер и является базовой по отношению ко всем другим ценностям. Хотелось бы думать, что она не случайно отнесена к традиционным ценностям и стоит на первом месте.

Завершается состав традиционных ценностей единством народов России: так протягивается нить от жизни, живого индивида к многонациональной России.

Наличие ценностей, стремление следовать им — основа пассионарности, в той или иной мере присущая каждому человеку. Ценности представляют собой подлинную истину жизни. Они являются проявлением внутренней страсти человека, зовом его души — с одной стороны. И с другой — проявлением рационального, осмысленного начала, порождением разума человека, результатом его самосознания. И когда одно переходит в другое, стремление становится осмысленным, а разум — стремящимся, жизнь обретает человеческую полноту, наполняется высоким смыслом: единичное соединяется с общим, жизнь индивида — с жизнью страны и народа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Я руковожу СПбГУП 33 года, являясь старейшим по стажу ректором в стране. Если бы меня спросили о высочайшем личном научном достижении, то мой ответ был бы следующим: «Я побудил Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и Владислава Александровича Лекторского подготовиться к сегодняшнему выступлению».

Сегодня в этом зале присутствуют лучшие студенты нашего Университета, которые, надеюсь, смогут понять уровень

и смысл этой научной дискуссии. В СПбГУП только что завершилась студенческая научная конференция, на которую были представлены 650 докладов — серьезная концентрация интеллектуального потенциала. Конкурс в наш вуз в последние годы составляет от 64 до 79 человек на бюджетное место.

Чего бы я хотел от наших студентов как ректор? Чтобы перед получением диплома СПбГУП они перечитали сегодняшний доклад академика А. А. Гусейнова. И даже если они не всё поймут, но увидят, что есть вещи, над которыми стоит задуматься, то я, как ректор, буду считать, что они получили диплом СПбГУП не зря.

Абдусалам Абдулкеримович задал интересный вопрос, где находится душа человека. Эта же проблема волновала и Д. А. Гранина. Как и другой вопрос: «Откуда берется совесть?» Гранин высказал в связи с этим свое мнение: «В нашем мире торжествует бессовестность, потому что он основан на конкуренции. Те, у кого есть совесть, проигрывают в конкурентной борьбе. Совесть — сегодня не просто бесполезное свойство, это вредное слово в мире бессовестной конкуренции». Но совесть не исчезает! По Дарвину, с точки зрения естественного отбора побеждает сильнейший. Но настоящие люди живут по совести, а не по Дарвину. Я хочу, чтобы наши студенты поразмышляли над этим.

Вообще сегодня здесь происходит событие, которое имеет незаурядное значение. Абдусалам Абдулкеримович — один из ведущих в мире специалистов по этике. Владислав Александрович за свою жизнь не просто прочитал огромное количество работ выдающихся философов. Будучи главным редактором журнала «Вопросы философии», академик Лекторский на протяжении десятилетий внес огромный вклад в развитие философской мысли. Владислав Лекторский — символ величия мировой теории познания.

Хотел бы также напомнить, что наш Университет много лет сотрудничал с выдающимся философом Вячеславом Семеновичем Степиным, Почетным доктором СПбГУП. В 2010 году Университет выпустил брошюру «Теория культуры академика В. С. Степина», в которой раскрывается его культурологическая теория, на мой взгляд, наиболее современная и масштабная. К 90-летию ученого, до которого он, к сожалению, не дожил, мы в соавторстве с белорусским коллегой академиком А. Н. Даниловым написали учебное пособие «Теория культуры академика В. С. Степина».

Выступление Абдусалама Абдулкеримовича вызвало у меня много мыслей, чувств и воспоминаний. 27 января 2014 года (в День памяти жертв нацизма и День снятия блокады Ленинграда) писатель Даниил Гранин выступил в немецком бундестаге с речью, в которой рассказал об ужасах блокадного Ленинграда. Это нашумевшее, резонансное выступление имело огромное символическое значение.

Вернувшись из Берлина, Гранин, будучи Почетным доктором СПбГУП, предложил собраться в Университете, чтобы рассказать о выступлении в бундестаге. На встрече присутствовали члены Ученого совета СПбГУП, студенческий актив. Участвовали и воины-ветераны, блокадники — выдающийся скульптор Григорий Данилович Ястребенецкий, автор скульптурных портретов наших Почетных докторов на Аллее Славы, и Почетный доктор, профессор СПбГУП Михаил Михайлович Бобров, который 23 года заведовал в нашем вузе кафедрой физического воспитания.

Незадолго до этой встречи, в 2014 году, в эфире одной из радиостанций был задан вопрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» Он вызвал бурю возмущения среди слушателей. Михаил Михайлович Бобров, добрейшей души человек, был так же возмущен такой постановкой вопроса и сказал на той встрече, что если

бы во время блокады умирающим защитникам города кто-то сказал нечто подобное, то мирные граждане разорвали бы этого человека.

Кстати, Михаил Михайлович вспомнил еще один случай. На одном из перевалов Кавказского хребта, которые он оборонял во время Великой Отечественной войны, отряд Боброва встретил немецких егерей. Советские войска открыли огонь и уничтожили немецких захватчиков, но двое из них были ранены. Наши солдаты семь километров тащили на себе раненых немцев в ближайшее селение, чтобы им там оказали помощь. Потом, уже после войны, Бобров встретил одного из них на Олимпийских играх. Это был легендарный немецкий альпинист Отто Бауэр. Он подошел к Михаилу Михайловичу, своему спасителю, и спросил: «Михаэль, ты меня не узнаешь?» Бауэр навсегда сохранил благодарность русскому солдату Боброву и восхищение благородством русских. У настоящих россиян есть и ценности, и герои, которые показывают примеры служения им.

Даниил Александрович Гранин на той встрече в Университете тоже вспомнил потрясающий эпизод. Во время блокады, когда в Ленинграде от голода и бомбежек погибло свыше 1 млн человек, в Институте растениеводства хранились селекционные сорта зерна, которые можно было бы съесть. Но умирающие ученые сохранили эту уникальную коллекцию семян. В них, в семенах, был запечатлен труд, достижения предшествующих поколений ученых. Вот что такое ценности для настоящих людей — они выше денег. Настоящий человек защищает свои ценности даже ценой собственной жизни.

Слово предоставляется главному научному сотруднику сектора теории познания Института философии РАН, академику РАН и РАО Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Мне выступать, с одной стороны, легко, а с другой — сложно. Легко, потому что передо мной уже высказались Александр Сергеевич Запесоцкий и Абдусалам Абдулкери-мович Гусейнов, сделавший глубокий доклад, и я могу опираться на их слова, а труднее, потому что не хочу повторять то, что было сказано.

В чем заключается смысл ценностей? Почему сегодня этот разговор важен и актуален? Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором перечислены 17 традиционных ценностей, неслучаен — он обусловлен сложившейся сегодня в нашей стране и в мире ситуацией.

В настоящее время актуален вопрос, куда России и миру в целом двигаться дальше. В связи с этим вспоминается одна из картин Поля Гогена «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?». Кто мы и куда мы идем? Ответить на этот вопрос без опоры на ценности нельзя, тем более что они названы традиционными. На самом деле это фундаментальные ценности человеческой жизни.

Но дело в том, что, как сегодня уже было сказано, каждая ценность подлежит интерпретации. Ценности, например свобода, справедливость и другие, по-разному понимались и трактовались в разное время. Что такое справедливость? Аристотель вкладывал в это понятие один смысл, считая, что рабы — это справедливо. Другие люди — другие смыслы...

В настоящее время мы вступили в эпоху, когда незыблемые ценности некоторыми оспариваются, и даже высказывается мнение, что от них надо отказаться, потому что в новом мире

они утратили всякий смысл. Речь идет о новой геополитической реальности, которая складывается в наше время. Мир вступил в эпоху глобальной цифровизации, когда многое, что всегда казалось само собой разумеющимся, становится непонятным и сомнительным. От одних ценностей можно отказаться, от других — нельзя ни в коем случае, если мы хотим остаться людьми. Спор идет именно об этом.

В 2020 году вышла книга Клауса Шваба и Тьерри Маллере «COVID-2019: Великая перезагрузка». Один из авторов, Шваб, — немецкий экономист, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, второй, Маллере, — французский экономист. Основная мысль книги — не было бы счастья, да несчастье помогло. COVID ускорил цифровизацию, появилась возможность работать онлайн.

В связи с этим, как считает Шваб, можно отказаться от некоторых вещей. Например, сейчас можно контролировать поведение, поэтому идея свободы воли и свободы выбора, предполагающая возможность отвечать за свои поступки, в каком-то смысле теряет смысл. Если в результате анализа данных поведения того или иного человека обнаруживается, что он систематически совершает нарушения, то не нужно дожидаться, когда он совершит еще одно, а следует посадить его в тюрьму. То есть надо отказаться от основополагающего в праве принципа презумпции невиновности. Прав ли он?

Свобода воли, как пишут некоторые исследователи, — это иллюзия. Никакой свободы воли не существует, все определяется прошлым. Если говорить о гуманизме, то сейчас в мире получил распространение так называемый трансгуманизм, предполагающий выход за пределы гуманизма, отказ от традиционного гуманизма, включающего свободу воли и самореализацию.

Гуманистические идеи зародились в эпоху Возрождения и получили распространение в эпоху Просвещения. Все великие философы (Кант, Гегель, Маркс и др.) были гуманистами. Маркс называл свое учение реальным гуманизмом. Он считал, что при капитализме не существует свободы, потому что человек свободен лишь формально, а реально нет, так как он вынужден наниматься к тому, у кого есть средства производства — фабрики, заводы. То есть человек — несвободное существо. Философия Маркса была способом осуществления гуманистической ценности свободы. Другое дело, какие средства для этого были выбраны.

Цель определяется ценностями. В жизни каждому человеку приходится отвечать на три вопроса. Во-первых, как (как я ставлю цель, какие средства использую); во-вторых, почему (какие будут последствия); в-третьих, зачем.

Абдусалам Абдулкеримович сказал, что есть ценности, по отношению к которым нельзя поставить вопрос «зачем?», — это свобода, самореализация, взаимопонимание, любовь и др. Ценность гуманизма — одна из важнейших — сегодня подвергается сомнению.

Сейчас появилось движение трансгуманизма. Его последователи руководствуются вроде бы благими целями — человек стал настолько всемогущим, что может делать то, чего никогда ранее не делал. Некоторые сравнивают его с демиургом Вселенной. Он может сотворить такие формы, которые природа не способна создать, и может управлять эволюционным процессом, а не только общественным мнением. Чем все это оборачивается? Если человек — демиург и может делать все, то он должен выйти за пределы человеческого вида. Отсюда — движение трансгуманизма, которое в последнее время получило распространение во всем мире.

В чем заключается опасность трансгуманизма и почему нельзя отказываться от традиционного гуманизма?

Некоторые считают, что трансгуманизм — это продолжение традиционного гуманизма. Мы исходим из того, что человек — свободное существо, обладающее достоинством, самоуважением, уважением других людей. Все это нужно сохранить посредством разумной рациональности, но поднявшись на новую ступень. Якобы сейчас есть способы, когда можно, сохранив ценность, создать новые возможности для ее реализации. Что для этого нужно сделать? Есть два способа: можно воздействовать на человеческую телесность, эмбрион, генную систему, когда человек еще не родился, и на мозг взрослого человека. Сейчас наука уже предоставляет такие возможности, существуют когнитивные исследования на эту тему.

Я могу говорить об этом с уверенностью, будучи председателем Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований. В этом совете состоят разработчики искусственного интеллекта, физиологи, изучающие мозг, а также философы, психологи и другие специалисты. По всей вероятности, благодаря генной инженерии в недалеком будущем можно будет придавать людям желаемые качества. Например, мы хотим, чтобы у нас рождались более умные и более эмоциональные дети. Идея усовершенствования человека не нова. Казалось бы, что плохого в том, чтобы запрограммировать «хорошие» черты? Человек будет более интеллектуальным и выносливым, будет меньше есть и спать, но при этом быстрее бегать и сообщать.

Но когда мы начинаем на эту тему размышлять, все оказывается не так просто. Мы изучаем, как устроены наша генная система и наш мозг, и нам уже многое известно, но до полного понимания еще очень далеко. Вмешательство

в процессы, определенные природой, без знания сложных взаимосвязей внутри этих процессов, очень опасно. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки человека «покорить» природу, которые привели к большому числу экологических проблем, а в некоторых местах — к настоящим катастрофам. Если же мы начнем «улучшать» человека, то можем получить противоположный результат, породив злобное и черствое существо.

Но даже если исключить такой риск, то есть другая опасность. Понятно, что в современном мире позволить себе такого рода манипуляции с человеком могут только состоятельные люди, что в конечном счете приведет к появлению двух каст. Одни, «усовершенствованные», будут «сверхразвитыми», другие останутся «недоразвитыми». Может ли такое общество быть устроено на справедливых началах? Конечно, нет, то есть будет нарушена другая важнейшая ценность.

Допустим, что мы все-таки знаем, как воздействовать на мозг и на геном человека, и уверены, что никаких «сюрпризов» не возникнет. Но вот вопрос: что мы вправе считать «лучше», а что «хуже»? С точки зрения медицины у нас есть норма — здоровый организм, в котором без проблем функционируют все органы и системы. Здесь достижения можно оценивать более аргументированно. Например, с помощью современных технологий люди с ограниченными возможностями здоровья в какой-то степени компенсируют утраченные способности. Так, известен пример, когда парализованный человек научился печатать на компьютере. Это замечательное достижение, и работу в этом направлении, конечно, необходимо продолжать. А вот почему быстро думать лучше, чем медленно? Может, дело не в скорости, а в том, о чем человек размышляет, какие идеи обдумывает? От того, что вы изучите, как нейроны мозга взаимодейству-

ют друг с другом, содержание ваших мыслей не изменится, так как оно формируется не в мозгу, а где-то вне его, а мозг только воспринимает это. Так что я бы затруднился сделать вывод о том, что лучше в данном случае, а что хуже.

Эмоциональная составляющая личности тоже вызывает вопросы. Иногда эмоции помогают принимать решения, но нередко, наоборот, мешают. К тому же, как сказал Абдусалам Абдулкеримович, в разных культурах понимание важности и ценности того или иного качества бывает различным. Есть культуры, где открытое проявление эмоций считается неприличным, там вас не одобряют, если вы будете громко говорить и экспрессивно жестиковать. В других культурах, напротив, человека, который ведет себя сдержанно, могут назвать скрытным и неискренним. Так что это сложный вопрос: надо учитывать и сформировавшуюся в обществе культуру, и психологию взаимоотношений в данном социуме, баланс между эмоциями и другими сферами психической жизни.

Фантазии трансгуманистов первого типа не знают границ. Они предлагают не только изменить качество жизни человека, но и продлить ее, в идеале до бесконечности. Лучше всего, по их мнению, делать «пересадку» сознания одного человека в тело другого. Сейчас популярны дискуссии на эту тему. Трансгуманисты исходят из того, что личность есть то, что записано в мозгу, поэтому надо искать возможность считывать эту информацию и перемещать ее на другой носитель — в мозг другого человека, а еще лучше — на цифровое устройство, потому что тело другого человека тоже не вечно, а цифровой носитель может хранить информацию практически бесконечно. Вы согласны жить вечно, но в цифровом виде? В России даже создана Ассоциация футурологов, которая прогнозирует, что к 2050 году будет достигнуто цифровое бессмертие человека.

Да, люди во все времена мечтали о бессмертии, правда, по-разному. Например, христианские религии учат, что душа человека бессмертна. Но сейчас речь идет о телесном бессмертии. Представьте себе, что эта мечта воплотилась. Но вот вопрос: если вы лишитесь своего тела, то новое существо, биологическое или цифровое, которому пересадят ваше сознание, — это будете вы или все же кто-то другой?

Представление человека о себе связано с его жизнью — воспоминаниями, переживаниями произошедших с ним событий, ценностями, устремлениями и т. п. Все это где-то записано, и все это предполагает, что я нахожусь в том теле, в котором был до сих пор, и именно в таком облике взаимодействовал с другими. Когда я лишусь своего тела и стану другим биологическим или даже цифровым субъектом, буду ли я тем же человеком, что и прежде? Нет, тождество личности исчезнет — это будет уже другое существо.

У Франца Кафки есть рассказ «Превращение». Однажды человек, проснувшись утром, обнаруживает, что он превратился в насекомое, похожее на таракана. От него отворачиваются друзья и родные, у которых он не вызывает никаких чувств, кроме отвращения. Кафка натуралистично описывает его переживания — они ужасны. Никуда не денешься — наше тело неотделимо от сознания, оно причастно к тому, что мы считаем своей личностью.

Давайте представим, что «цифровое бессмертие» стало возможным. Человек уверен, что будет жить вечно и не стареть, — какой тогда станет его система ценностей? Мне представляется, что в таком случае главные ценности нашей жизни потеряют всякий смысл. Стремление к продлению рода пропадает, в результате в обществе нет ни детей, ни стариков — все молодые и энергичные. За ненадобностью исчезает потребность заботиться о слабых. Вы не можете, рискуя жизнью, совершать мужественные поступки

во имя высшей цели — какие могут быть цели, если у всех жизнь бесконечна? Сострадание, мужество, эмпатия, любовь — зачем это все? По-моему, такая перспектива никого не радует, особенно с учетом того, что из этого ада выбраться невозможно. К тому же в этом аду вашей жизнью будут распоряжаться сверхумные машины.

Таким образом, трансгуманизм первого рода претендует на сохранение человеческих ценностей путем трансформации тела и мозга, но в итоге приводит к их утрате, к отказу от гуманизма.

Трансгуманизм второго рода преследует другие цели. Он утверждает, что человек вел себя как шовинист по отношению к остальному миру. Есть живая природа — растения и животные, есть искусственно созданный мир техники, и все это человек пытался подчинить своим интересам, доведя ситуацию до экологического кризиса. Так вот, по мнению трансгуманистов, и растения, и животные, и машины имеют такие же права, как и люди. Это может показаться абсурдом, но с развитием технологий искусственного интеллекта появились вопросы, немыслимые прежде. Например, современные юристы во всем мире обсуждают правосубъектность так называемых электронных личностей. Умные машины могут давать советы различным специалистам, вплоть до судей, и это имеет определенные последствия. Могут ли такие машины быть объектом порицания, наказания, поощрения? А в одной из арабских стран официально узаконили брак человека с женщиной-роботом. Как к этому относиться?

Дело в том, что правосубъектность предполагает в первую очередь ответственность. Человек, принимая решение о том или ином поступке, свободен в своем выборе, но он осознает свою ответственность за последствия. А какие поступки могут совершать растения, к которым даже слово «поведение» неприменимо? Как можно наделять их правами,

уравнивая в этом с человеком? Животным, в отличие от растений, свойственно поведение, но и в отношении них мы не можем рассматривать никакие «поступки», потому что поступок — это морально ответственный шаг субъекта, наделенного сознанием. Если вы что-то делаете бессознательно, скажем, находясь под гипнозом, то ответственность будет лежать на том, кто вас загипнотизировал.

И здесь тоже возникает проблема ценностей. У каждого из нас своя ценностная система, но эти ценности не уникальны — мы их усвоили. В связи с этим отмечается некий парадокс. Говорят, что в современном мире беспрецедентно возросло значение личности, индивидуальности. Казалось бы, так и есть — достаточно заглянуть в социальные сети, и увидим, что каждый высказывает собственное мнение. Но что происходит на самом деле? Уникальность личности связана не с тем, что один человек не похож на другого. Да, все мы разные — и от природы, и по воспитанию, и по своей жизненной истории. Но личностное проявляется не в этом. Ведь кого мы называем великой личностью? Того, кто воплотил какие-то всеобщие смыслы, кто в своей деятельности реализует то, что важно для большого числа людей, для страны или даже для человечества. Получается, что чем шире круг тех, кого затрагивает деятельность этого человека, тем более масштабной личностью мы его считаем. А в социальных сетях по большей части активны псевдоличности, которые к тому же нередко прячутся за никами, а то и вовсе являются ботами.

Таким образом, трансгуманизм — это, по сути, отказ от гуманизма, ведущий к деградации человека; не восхождение на более высокую ступень развития, а погружение во мрак бесчеловечности.

Наконец, сторонники третьего варианта трансгуманизма высказывают абсолютно, на мой взгляд, неприемле-

мые идеи. Они исходят из того, что человечество включено в процесс глобальной эволюции. Когда-то не было Вселенной, потом она возникла, как считают космологи, и стала развиваться. Появились атомы, после них — молекулы, различные элементы, потом зародилась жизнь. В процессе эволюции разных форм жизни появился человек. Но на каком основании мы считаем, что современный человек — это высшая ступень эволюции? Нет, это всего лишь промежуточный этап, а следующая ступенька — сверхразумные машины, которых многие из нас уже начинают бояться. С точки зрения этих трансгуманистов, человек скоро будет подчинен этим машинам как более высокоразвитой культуре, и тогда человечество обречено на деградацию.

Эти умозаключения — не плод воображения каких-то странных людей. Нет, об этом говорят вполне авторитетные ученые, пишутся серьезные статьи.

Почему возникают такие мысли? Человечество вступило в очередную фазу технологического прогресса, и, конечно, мы не можем отказаться от благ современной цивилизации. Вячеслав Семенович Степин писал о двух видах цивилизации — техногенной и традиционной, и о том, что человечество сможет подняться на более высокую ступень цивилизации — антропогенную. Но пока нет признаков того, что мы выходим за пределы техногенной цивилизации. Технологизация нарастает быстрыми темпами, и от нее нельзя отказаться, так как благодаря технологиям мы получаем впечатляющие результаты в разных сферах — в экономике, медицине, промышленности и т. д. Какой-то «мыслитель» даже сформулировал тезис: любую задачу можно решить технологическими методами.

Между тем современная технологизация может иметь и негативные последствия, поэтому она должна быть контролируемой. И опасность заключается не в том, что человек

будет естественным образом покорен сверхразумом. В связи с этими предсказаниями необходимо различать два понятия: прогноз и проект. Дело в том, что человек живет в природе, подчиняясь ее законам. Эти законы от нас не зависят, но мы действуем в их рамках, изобретая новые формы и поднимаясь на следующую ступень развития в своей деятельности. Для реализации любого проекта подбираем соответствующие средства: чтобы достичь наших целей, мы должны сделать то-то и то-то. Проект предполагает прогноз: мы сделаем это и получим такие-то результаты. Но иногда люди выдают свои проекты за прогнозы, и один из этих проектов — вытеснение человека сверхразумом.

Напомню сюжет античной пьесы «Царь Эдип». Царю города Фивы было предсказано, что он погибнет от руки своего сына, и царь, испугавшись, решил избавиться от младенца. Но в силу разных обстоятельств произошли события, в результате которых уже взрослый сын царя убил его, не подозревая о том, что это его отец. Было ли прогнозом то предсказание оракула? Конечно, нет. Царь мог просто забыть о нем, и тогда трагедия бы не произошла. Но мы часто считаем какие-то события предрешенными, в то время как они не являются таковыми.

Существует ли для человека угроза со стороны искусственного интеллекта? Да, такая угроза существует, но насколько она реальна, зависит от самого человека. В наши дни нейросети уже широко применяются для сложных вычислений, анализа больших данных и т. д. В разных науках и сферах деятельности используются их возможности, чтобы на основе обработки имеющихся данных составлять прогнозы и моделировать будущее. А генеративный искусственный интеллект занимается «творческим трудом» — пишет тексты и живописные полотна, сочиняет музыку. Сегодняшние студенты с помощью нейросетей пишут рефераты и курсо-

вые работы, и бывает очень трудно это распознать. Перед такой нейросетью можно поставить задачу написать музыку в стиле Баха, и она напишет, да так, что даже опытный музыковед скажет: наверное, это fuga Баха, просто до сих пор она была неизвестна.

Многие думают, что если не сейчас, то уже в недалеком будущем искусственный интеллект полностью заменит человеческие таланты. Но это невозможно, так как все, что делает искусственный интеллект, даже генеративный, — это имитация. Он работает на основе того, что уже создано человеком. Он может быстро анализировать, сопоставлять миллионы и миллиарды текстов, комбинировать их и выдавать что-то такое, чего раньше не было. И все же это не новое творение, а скомпилированное на основе уже имеющихся. Если бы искусственный интеллект, умеющий анализировать большие данные или писать тексты, существовал, скажем, в XVII веке, то отпала бы нужда во всех последующих научных теориях и открытиях. Было бы нечего делать Ньютону и Паскалю, а развитие музыкального искусства после Баха остановилось бы. Правда, искусственный интеллект может делать такую имитацию, на которую никакой человек не способен.

В связи с этим возникает еще одна философская проблема — подлинности и копии, имитации. Можно ли так скопировать, чтобы было невозможно отличить от подлинника? Раньше было нельзя, а сейчас можно, как утверждают многие. Но ценность представляет оригинал, а не копия.

И жизнь тоже должна быть подлинной, а не имитированной. Мы вступили в такую эпоху, когда это все становится реальной угрозой.

Живой мир эволюционирует, и картина жизни на планете Земля меняется, но это происходит необязательно потому,

что какая-то более высокая форма жизни вытесняет более низкую (хотя так тоже бывает). В истории человечества расцветали и гибли целые цивилизации. Варвары разрушили Римскую империю, но разве это были более цивилизованные народы и высокоорганизованные общества? Ничего подобного. Они имели преимущество в военном деле, но во всех остальных отношениях стояли на более низких ступенях развития. Поэтому люди должны относиться серьезно к таким угрозам и не допускать, чтобы они реализовывались.

Все это свидетельствует о том, что мы вступили в такую эпоху, когда проблема ценностей — это проблема выживания и сохранения человека. Это революционная эпоха. Каждый день появляется много нового, и надо двигаться вперед. Избежать этого не сможет никто, поэтому человек тоже вынужден меняться. Новые формы познания, новые науки — важно, чтобы в этих потоках и водоворотах мы не слетели на крутом вираже, а сохранили себя. Это зависит от ряда условий. Во-первых, в экспериментах над человеком необходимо соблюдать предельную осторожность — ни одного, ни малейшего шажка наобум. Во-вторых, всеми силами оберегать фундаментальные человеческие ценности. В-третьих, предвидеть не только сиюминутные результаты своих действий, но и отдаленные последствия. Абдусалам Абдулкеримович рассказал об одном из методов, позволяющих соблюдать эти условия, — задавать вопросы, «цепляя» их один за другой: «Это зачем?» — «Хорошо, а это зачем?» — «Отлично, а это зачем?» В конце концов вы «упретесь» в ценности, в отношении которых вопроса «зачем?» не возникает. Это фундаментальные ценности жизни, определяющие, что есть человек.

А человек между тем — это, с одной стороны, биологическое существо, созданное природой, а с другой — продукт куль-

туры, то есть того, чего в природе нет. Как сформулировали римляне, «натура и культура». Натура — то, что дано природой, культура — то, что люди сделали сами. А ценности транслируются через культуру — религию, философию, искусство и т. п. Люди усваивают их с юных лет в процессе воспитания и образования.

Человек может подниматься, но может и деградировать. Происходящее в наши дни кто-то называет антропологической революцией, кто-то — антропологической катастрофой. Я же говорю об антропологическом вызове, на который надо отвечать. От того, как мы ответим на этот вызов, зависит, поднимемся мы на новую ступень или, наоборот, нас ждет движение вниз, а возможно, настоящая катастрофа — это тоже возможно. Проблема ценностей — это о том, куда мы идем, в этом контексте невероятное значение приобретают ценности российской культуры.

В разных культурах ценности различаются, но есть и общие для всех ценности, без которых человека просто нет. Если от них отказаться, то человек станет не постчеловеком и не трансчеловеком — он превратится в нечеловека, нелюдя. Поэтому философия в наши дни становится практической дисциплиной. Если раньше она интересовала немногих великих мудрецов, то в XX веке, когда многие науки, в том числе физика и математика, оказались в кризисе, ученые задумались об основаниях наук и обнаружили, что без философии невозможно найти ответы на многие вопросы даже в тех науках, которые, казалось бы, не имеют к ней отношения.

Иммануил Кант в свое время сформулировал три великих вопроса: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» Сегодня найти ответы на эти вопросы важно как никогда раньше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Переходим к обсуждению услышанных выступлений, и я должен признаться, что это одна из наиболее важных для меня возможностей, главная для меня привилегия ректора — иметь право задавать вопросы выдающимся ученым, которые оказывают честь Университету своим участием во встречах, подобных сегодняшней.

Но сначала вернусь к выступлению Абдусалама Абдулкеримовича и замечу: не все знают, что такое «Новая философская энциклопедия». К сожалению, в нашем Университете нет философии как выпускающей специальности, но мы планируем ввести культурологию в перечень специальностей, с которыми молодые люди выпускаются из СПбГУП. Правда, коллеги говорят, что нынешние власти отдают предпочтение техническому образованию, а не гуманитарному, но мы считаем, что сейчас самое время реализовать наше намерение, потому что это стоящее дело.

«Новая философская энциклопедия» — огромный труд ученых Института философии РАН. Я благодарен Абдусаламу Абдулкеримовичу, Владиславу Александровичу и Вячеславу Семеновичу Степину за то, что они подарили мне экземпляр, и теперь это ценное издание находится в библиотеке Университета. Это мой главный справочник по всем важнейшим вопросам жизни. Энциклопедия вышла в четырех томах и была высоко оценена государством, а членам научно-редакционного совета присуждена Государственная премия, присвоены звания лауреатов Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. Абдусалам Абдулкеримович, а кто написал определение понятия «ценности», которое Вы процитировали в начале выступления?

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Владимир Кириллович Шохин, который не только принял участие в создании Энциклопедии, но написал монографию «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль» — о том, как появилась и развивалась аксиология.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Мы благодарны Владимиру Кирилловичу, но, на мой взгляд, сегодня более интересное, заслуживающее размышлений определение ценностей дал все же Абдусалам Абдулкеримович: ценности — это то, что дороже денег. Действительно, деньги — всего лишь одно из средств для отстаивания наших ценностей, которые действительно неизмеримо выше.

Владислав Александрович, говоря о ценностях, упомянул, что это индивидуальная категория: человек самостоятельно обдумывает и вырабатывает решение о том, что для него ценно в жизни. И в то же время наши ценности — надындивидуальные, всеобщие. На первый взгляд, это парадоксальное утверждение, но оно вполне обоснованно, и Владислав Александрович вполне убедительно это доказывает.

Абдусалам Абдулкеримович, Вы совершенно справедливо отметили, что у Вас и у сегодняшней молодежи разное прошлое. Но я думаю, что один из современных вопросов огромного общественного значения состоит в том, чтобы у нас было общее прошлое. Общее не только с молодежью, но и с Альбертом Эйнштейном и Михаилом Ломоносовым, Александром Невским и Богданом Хмельницким, Петром I, Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным. Кстати, нам многими силами навязывается отречение от наследия Сталина, но мы не имеем права забывать о том, как много он сделал

для страны. Интересный пример — Китай, где долгие годы не прекращались споры относительно оценки деятельности Мао Цзэдуна. Споры стихли, когда было принято решение: 70 % деятельности Мао Цзэдуна можно оценить позитивно, 30 % — негативно. Что же касается Сталина, то чем глубже я погружаюсь в историю XX века, тем больше «одобрительных процентов» я ему даю. Фантастические успехи в строительстве государства и становлении нового общества, науки и образования. Он провел потрясающую реформу образования, и мы до сих пор видим ее результаты и последствия. Он придал мощнейший импульс развитию науки и образования. Быть ученым было невероятно престижно. Это отражало высокую оценку роли науки в обществе.

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что в прошлом каждого государства есть ужасные страницы, но всегда есть и великие дела. И история нации должна строиться на основе последних. Чтобы это была история не подлости и предательства, а грандиозных достижений, и тогда люди будут стремиться соответствовать величию своих предков. Поэтому я хочу, чтобы у нашей молодежи было общее с другими поколениями прошлое и чтобы оно включало лучшее из того, что происходило в разные эпохи. Конечно, у каждого из нас есть индивидуальная история — первая любовь, личные успехи и т. п. Но история народа должна быть историей элиты в высшем смысле слова — самых благородных, образованных, много сделавших для страны людей.

В связи с этим я высоко оцениваю миссию университетов, рассматриваю их как универсумы культуры в широком смысле, институты культурной преемственности. В настоящее время каждый человек сталкивается с огромными потоками информации и нередко просто тонет в них. Так вот, задача университета — отбирать в этом разнородном потоке лучшее, что мы хотели бы передать нашей молодежи. Пере-

живаю, когда вижу, что нам что-то не удается. Мы постоянно должны над этим работать, стараться передать молодежи лучшее из нашего прошлого, в том числе анализ ошибок, от которых никто не застрахован.

Абдусалам Абдулкеримович напомнил, что мы столкнулись с двумя катастрофами, обусловленными неправильным пониманием ценностей. Вторая катастрофа случилась, когда мы поверили Западу и решили строить жизнь в России социально западным ценностям, толком не понимая, какова эта жизнь, да еще в то время, как их система ценностей уже входила в глубочайший кризис. Сегодня мне, например, не хочется жить так, как живут на Западе, потому что у России в этом смысле намного больше достоинств, хотя я часто бываю в странах Запада и вижу там много хорошего. Это серьезный вопрос.

Но что современная молодежь берет в свое прошлое, кроме личных переживаний и свойственной каждому любви к малой родине? Ведь если у нас нет общей истории, то мы как народ лишаемся будущего. Когда в 1991 году распался Советский Союз и мы отказались от значительной части его наследия, тем самым заложили бомбу замедленного действия под наше будущее. Абдусалам Абдулкеримович, что Вы об этом думаете?

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Отношение к прошлому — один из фундаментальных вопросов, тесно связанных с ценностями. Я на этот вопрос смотрю довольно просто: прошлое — и мое личное, и моего народа, каким бы оно ни было, это мое прошлое. Я могу иметь то или иное мнение о событиях и личностях, по-разному их оценивать, но все это мое прошлое, и я несу за это ответственность. В этом смысле у меня и у современной молодежи

одно и то же прошлое, но это не противоречит моим словам, что у нового поколения оно другое. Как Вы, Александр Сергеевич, верно отметили, первая любовь у каждого своя. У меня одно отношение к людям, с которыми в юные годы вместе учился и дружил, и другое — к истории своей страны и своего народа. Поэтому, чтобы понять суть ценностей, мы должны уметь соединять одно с другим.

Поясню это на примере российских философов. Выступая недавно на собрании у нас в институте, я сказал, что в философию пришло молодое поколение, и я должен признать, что оно нас несколько удивило. Мы ожидали, что молодые коллеги будут развивать наши многолетние наработки и таким образом обеспечат преемственность отечественной школы, но они пришли с собственными идеями — не противоречащими нашим, но другими.

На мой взгляд, специфика понятия ценностей заключается именно в умении соединить общее и индивидуальное. Приходящее всему народу, некоей общности (например, вашим сверстникам, университету или коллективу предприятия), и лично вам. Идея ценностей — соединить в целое общее и индивидуальное. В том примере, который мы обсуждаем, — общее и индивидуальное прошлое.

Я согласен с академиком Лекторским: конечно, ценности имеют надындивидуальную природу, иначе мы бы не говорили о них как о некоем понятии. Они имеют надындивидуальное выражение и для меня тоже. Ценности — это то, что «сидит» внутри нас, это какой-то иррациональный голос, который направляет нас, заставляет совершать те или иные действия. Мы не являемся безраздельными «хозяевами» своих ценностей — они сами проявляются в наших поступках. Ведь что такое, скажем, совесть? Это не то, что вы можете контролировать, а какая-то внутренняя сила, очень

настойчивая, которая заставляет вас раскаиваться в своих действиях.

Когда в середине 1980-х годов началась перестройка, одним из ее символов стало покаяние. Помните нашумевший в те годы фильм Тенгиза Абуладзе? Он заканчивается тем, что сын выкапывает тело отца из могилы и сбрасывает его со скалы. Я тогда говорил, что так нельзя — ваш отец остается вашим отцом, каким бы он ни был. Это безусловная связь. Отказываясь от своего отца, ты отказываешься от себя самого. Этот поступок героя фильма я рассматриваю как символическое отношение к прошлому, стремление его перечеркнуть.

Вы говорите о Сталине как о противоречивой фигуре, и это верно. Но в нашей истории были такие «деятели», которые оцениваются однозначно. Например, генерал Власов — можем ли мы выбросить его из нашего прошлого? Нет, мы не можем сказать, что не имеем к нему отношения. Имеем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Имеется в виду Андрей Власов, который перешел на сторону фашистов и создал свою армию из таких же предателей.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Да. Но этот факт не противоречит утверждению, что русские не предают. Находятся люди, которые способны на это, но они действуют вразрез с нашими ценностями. В этом заключается глубокий трагизм жизни, который невозможно игнорировать, и мы никогда не сможем согласиться на такое понимание ценностей, которое игнорировало бы этот трагизм.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович. Владислав Александрович в своем выступлении затронул много важных проблем, в том числе ту, которая в России сегодня имеет особое значение. Это категория свободы. Я сформулировал собственное определение: свобода — это привилегия ответственного человека. На мой взгляд, по-настоящему свободным может быть только тот, кто осознает ответственность перед окружающими за свою свободу. В свое время мы на Ученом совете обсуждали вопрос открытия храма на территории Университета. Это был первый новый храм в Петербурге. Мы говорили в том числе и о культуре и пришли к выводу, что культуру человека можно рассматривать как систему ограничений и запретов. Культурным человеком в ряде ситуаций мы называем того, кто не может позволить себе определенных действий, например таких, которые доставляют дискомфорт окружающим.

Мне всегда интересно, когда я вижу, что студенты мыслят не так, как я, и мне хочется их понять. Но бывают такие случаи, которые огорчают.

Недавно я получил письмо от нашей бывшей студентки. Она неплохо училась, за первый семестр получила несколько благодарностей за активное участие в общественной жизни, но потом решила, что это не ее Университет и ушла. Прошло несколько лет, и сейчас, насколько я понял, она работает в организации, которая финансируется Западом. Не так давно мы читали о том, что президент США своим указом приостановил деятельность USAID — организации, которая ежегодно тратила 60 млрд долларов, чтобы вести во всем мире подрывную деятельность в идеологической сфере. Но в России до сих пор работают организации, профинансированные из фондов USAID. И вот эта девушка сделала подкаст: брала и публиковала ин-

тервью у студентов нашего Университета, стремясь показать, какие ужасы здесь творятся — никакой свободы молодежи. Я выяснил, что незарегистрированное средство массовой информации, размещающее ее продукцию, связано с организацией под названием «Молния». Руководитель «Молнии» — по сути иноагент, который уехал из Казани, потому что ему грозила тюрьма за незаконную деятельность, и сейчас живет в Тбилиси. Как я понимаю, эту «журналистку» просто используют с неблагоприятными целями, пользуясь тем, что у нее некоторые проблемы с неустойчивой психикой.

Но в чем причина ее недовольства, что именно ее не устроило в Гуманитарном университете профсоюзов? Повторяю, сначала ей все нравилось, она принимала активное участие в общественной жизни — что ее так потрясло? Оказалось, что это была фотография на «доске позора» — студентка, спящая на лекции, с указанием ее имени. Однако у нас в Университете нет «доски позора». Есть стенд, рассказывающий о разных событиях нашей жизни, как положительных, так и отрицательных. Если сейчас выйти из аудитории — рядом, на этом стенде можно увидеть информацию совсем другого рода — об отличниках, трудоустройстве (кстати, стопроцентном) наших выпускников, интересных мероприятиях для студентов. Там же мы размещаем план культурной жизни вуза, поздравления, адресованные победителям в различных конкурсах (а таких побед у нас немало), преподавателям, получившим ученые степени и награды. Но студентка увидела только неприятную фотографию и сказала: «Университет не имеет права фотографировать студентов, которые спят на лекциях, и тем более публиковать эти снимки». На самом деле у нас есть такое право — оно оговорено в соглашении, которое каждый студент подписывает при поступлении в вуз. Но она об этом забыла. Или по малограмотности своей не поняла.

У нас есть и другие запреты, например, нельзя употреблять еду и напитки вне специально отведенных для этого мест. Мы считаем, что для воспитанного человека не составит большого труда дойти до буфета и сесть за стол (а мы обязаны воспитывать). Но девушку и это возмутило, и бедняжка вынесла свой вердикт: «Университет — это система подавления свободы».

Но у меня возникает вопрос: где проходят границы внутренней свободы человека? Если ты так страдаешь от жажды, что не можешь пройти 20 метров до буфета, то что заставляет тебя терпеть (а может, это необязательно?) более неотложную нужду и все-таки идти в туалет? Может быть, нужна свобода гадить там, где захочется? Если ты имеешь право на свободу без ограничений, то почему нельзя заниматься сексом, например, в коридоре? Это же настоящая свобода! А почему нельзя подойти и дать оплеуху преподавателю, если он сказал что-то неприятное для вас? Или двойку поставил?

Я, конечно, утрирую, но если серьезно, то, по-моему, это очень важная проблема. Мы не рекомендуем живущим в общежитии студентам гулять по ночам. Когда было введено это требование, они стали гораздо реже попадать в неприятные ситуации. Много лет назад с одной из наших студенток ночью на улице произошла беда: ее полоснули по лицу бритвой и вырвали из рук сумочку. Но и сегодня нередко приходится сталкиваться с непониманием: «Мы свободные личности, достигшие совершеннолетия, и имеем право сами решать, в какое время нам приходить домой».

С 2012 года назад российское Министерство образования в течение нескольких лет возглавлял Дмитрий Ливанов. Так вот, он издал приказ, запрещающий вузам удерживать студентов по ночам в общежитии. К счастью, мы имели возможность этому приказу не подчиниться, но тогда, когда я его прочитал, мне захотелось поехать в министерство и все

высказать ему, что думаю, с применением старинных методов ведения дискуссии. Я сдержался, потому что считаю себя культурным человеком, а культура лимитирует мою свободу.

В связи с этим у меня вопрос к Владиславу Александровичу. Как определить, до какой степени культура может ограничивать свободу личности?

Советское общество значительно продвинулось по пути создания гуманистичного человека, к настоящему гуманизму, в том числе благодаря целому ряду запретов: нельзя то, нельзя это. А Запад в то время обладал поразительными механизмами манипуляции людьми. К 1991 году на Западе никакой демократии не было, а эти механизмы были отработаны. Я читал серьезные научные работы о том, как там приватизирована демократия, концерны управляют СМИ и через СМИ влияют на выборы. Они достигли в этом такого уровня, который нам трудно себе представить. И они применили эти механизмы, когда у нас к власти пришел Михаил Горбачев, который простодушно решил, что мы можем открыто войти в «мировое сообщество». И тогда они, уверяя, что являются передовым обществом, внушили нам массу ложных ценностей, и одной из них было ложное понятие свободы. Потому что сейчас при внимательном рассмотрении понятие свободы на Западе радикально отличается от того, которое за последние 30 лет получило широкое распространение у нашей молодежи. То понимание свободы, которое под их влиянием нам внушили, — это свобода без границ, свобода по принципу «делай все, что хочешь», и если позволим, у нас в России может быть еще себе подобных при таком понимании свободы.

Они ударили в самую уязвимую точку в стране, которая шла по линии развития культуры, гуманизма и такого отношения людей к друг другу, когда человек может пожертвовать собой ради других, чтобы спасти жизнь даже незнакомым

людям. В советское время развитие культуры ввысь у нас происходило повсеместно, и сейчас проявляется в ходе спецоперации, потому что понимание истинной свободы не исчезло совсем, оно передается через семью, родителей, подходящие компании сверстников. Есть люди, которые живут правильно. Но у меня складывается ощущение, что мы стали жертвой такой атаки, которую до сих пор не осознаем. И что у нас сегодня многие ключевые посты в обществе, в том числе в области управления образованием, захвачены публикой, подверженной разлагающему западному влиянию. Потому что иначе я не могу объяснить многое из того, что у нас происходит.

Владислав Александрович, что Вы об этом думаете?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Об этом можно долго говорить, и я много думаю на эту тему. Скажу по поводу свободы. Свобода — это действительно большая философская проблема, которая обсуждается не одну сотню лет. И были теоретики, которые понимали свободу как внутреннее состояние сознания, то есть независимость от всего — что хочу, то и делаю. Но это не так. Хотя так это понимал Декарт, об этом писал Жан-Поль Сартр. У него есть известная книга «Бытие и ничто». Бытие — это мир природы и общества, а ничто — это свобода, она вне этого мира. Я, как и многие другие, понимаю свободу иначе. Я с вами согласен, что культура — это на самом деле система запретов: вот это должно делать, а это нельзя. Поэтому без запретов человек не может жить.

Что такое свобода? Свобода — это когда вы сами собой руководите. А как вы собой руководите? Если просто подчиняетесь собственным прихотям, это не свобода, это зависимость. Если пьяница не может удержаться, чтобы не пить,

это не свободный человек, он раб своих страстей, а не свободное существо. Свободен тот, кто собой управляет. Свобода — это самоконтроль в соответствии с системой ценностей. Как писал Иммануил Кант, свобода — это действие в соответствии с внутренним нравственным законом. Это необходимость, если угодно. Свобода — это осознанное внутреннее самоуправление согласно принятой вами системе надындивидуальных ценностей. Тогда вы свободный человек, самореализующийся и отвечающий за свои поступки. Это с одной стороны. С другой — свобода предполагает, что вы уважаете свободу других людей и этим себя ограничиваете. Свобода имеет границы. Если вы работаете в какой-то организации, вы должны считаться с принятыми в ней правилами. И кроме того, есть такие важнейшие ценности, где нельзя сказать, это свобода или зависимость. Вот любовь — что это? Это и свобода, и вместе с тем взаимная зависимость. И эта зависимость принимается вами добровольно, то есть свободно, и это замечательно.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Замечательно, но это иногда и ужасно.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Ну, может быть и то, и другое. Но без любви ничего бы не было, весь мир бы просто рухнул. Поэтому я согласен с тем, что любовь движет миром и что отношения между людьми — это великая ценность. Поэтому свобода, во-первых, конечно, имеет свои границы. Во-вторых, вопрос в том, как понимать свободу. Это не произвол и не прихоть. Вот животные могут куда угодно пойти, потому что они свободны как животные. У животных нет свободы человека, они рабы инстинктов. У ребенка нет свободы, пока он не усвоил нормы культуры,

в частности язык. Он еще не свободное существо, он просто раб того, что ему захотелось в данный момент. Поэтому для меня свобода — это самоконтроль, самореализация, когда ты сам определяешь, что тебе нужно. Мартин Лютер, известный религиозный реформатор, основатель протестантизма, сказал: «На том стою, и не могу иначе». «Не могу иначе» — выражение свободного человека: не могу иначе поступить. Вот это и есть свобода, а не то, что хочу так, хочу эдак. Это не свобода, а просто прихоть и произвол.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Теперь переходим к нашему обычному регламенту. В первую очередь слово предоставляется гостям. Пожалуй-ста, заведующий кафедрой философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского Александр Васильевич Говорунов.

А. В. ГОВОРУНОВ:

— Владислав Александрович, говоря о трансгуманизме, Вы приводили аргумент глобального эволюционизма, почти буквально повторяющий аргументацию Фридриха Ницше по поводу сверхчеловека Заратустры. Правда, Ницше не предполагал появление такого человека с помощью технических средств. Собственно, вопрос заключается в следующем. При понимании трудностей и опасностей постгуманизма все-таки складывается впечатление, что его локальные преимущества настолько велики, что ни одно государство не может позволить себе от них абстрагироваться, и в этом смысле нас ожидает довольно существенное движение в эту сторону. И тогда следует ли нам готовиться, осознавая сложность этого пути, стоит ли обращаться к опыту исторической философии с ее тезисом *Amor fati*?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Насчет Ницше верно. Он был одним из первых, кто взбунтовался против гуманизма. Вообще в XX веке был ряд выступлений против гуманизма, не только Ницше, довольно популярного в России, но и Мартина Хайдеггера, классика европейской философии. У него есть «Письмо о гуманизме», где он критикует его, считая, что гуманизм отрывается от бытия и слишком возвеличивает человека. У Сартра есть статья «Экзистенциализм — это гуманизм». Не буду разбирать эту полемику, но перед нами доказательство того, что эта проблема дискутировалась. Потом об этом писали постмодернисты, для которых гуманизм — такое же пустое слово, как и слово «человек», поскольку человек с их точки зрения исчезает.

Теперь относительно движения к трансгуманизму. Трансгуманизм — это не совсем то, что имел в виду Ницше. Ницше считал, что человек может стать сверхчеловеком, но не все люди способны на это. Есть господа, сверхлюди, а основная масса — это рабы. А трансгуманисты полагают, что с помощью различных технологических методов можно выйти за пределы нынешнего человека, и это относится к любому человеку. И Вы правы, что есть опасность в том смысле, что полученные сиюминутные результаты могут быть чреваты дальнейшими опасными последствиями. Поэтому на это нужно обращать внимание, думать и писать об этом.

Приведу пример. В 1979 году в Америке собрались биологи, специалисты в области молекулярной биологии. Они пришли к выводу, что проводимые ими эксперименты могут быть опасны для человека, потому что искусственные вирусы, которые они пытались создать, могли выйти за пределы лабораторий и вызвать эпидемии. И тогда ученые выдвинули манифест, предложив затормозить исследования в этой

области, пока не будут найдены способы предотвращения бедствий. Этот манифест был принят, и он выполнялся. Года два тому назад Илон Маск, нынешний советник президента Дональда Трампа, и ряд других очень известных людей подписали открытое письмо с призывом на какое-то время приостановить исследования в области искусственного интеллекта из-за опасений, что он выйдет из-под контроля. Другое дело, что из этого, по-моему, пока ничего не вышло. Но в принципе какие-то шаги предпринимаются, и их надо делать.

Поэтому важно думать не о немедленной выгоде, которая, конечно, есть, а о более долговременных результатах. Курсовые работы, которые пишут студенты, искусственный интеллект может написать лучше. И нужно уметь отличать одно от другого. Сейчас предлагаются юридические меры, чтобы каждый раз определять, кто написал работу — человек или искусственный интеллект. Об этом сейчас пишут, говорят, то есть что-то надо делать. Если просто плыть по течению, то, конечно, это может быть опасным.

И. В. ЛЕОНОВ:

— Уважаемые мэтры, спасибо большое за ваши интересные выступления. Есть о чем задуматься и над чем продолжать работать. Абдусалам Абдулкеримович, у меня вопрос к Вам. Вы говорили, что ценности имеют атомарную структуру и есть некие предельные ценности: истина, любовь, добро, красота. Но получается, что в рамках морали все-таки формируется некий интеграл. Мы можем это условно назвать идеалом, идеологией или другим простым и понятным словом. Часто бывает, что когда мы на лекциях пытаемся объяснить студентам, в чем смысл современной морали, каковы наши государственные идеалы, то это довольно трудно сделать.

Порой мы слышим, как наше общество массово скандирует: «Рос-си-я! Рос-си-я!» Мне кажется, это и есть интеграл, современная идеология нашего государства. Как это было в советское время: «Наша цель — коммунизм». Это емкая идейная структура, которая показывает, что сюда интегрированы наша мораль, ценности, свобода. Как Вы считаете, куда мы движемся в рамках идеала и идеологии? И сможем ли мы кратко сформулировать современное состояние морали и государственного идеала?

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Не хотелось бы сейчас переходить в сферу морали. По предмету сегодняшнего обсуждения могу сказать, что в Указе президента обозначены 17 ценностей. Их могло быть больше или меньше, но все это, по нашим нормальным представлениям, человеческие ценности. И кто будет против этого? Второе обозначение ценностей, идеалов, о котором Вы говорите, это «Рос-си-я!» И одно другому не противоречит, задача именно в том, чтобы связать с этим Указ. То есть вы не можете, так сказать, попасть в пространство ценностей, которые там обозначены, если не будете в пространстве России, поэтому вы и есть россиянин, русский человек, российский гражданин. То есть принадлежность к народу — это не предмет выбора. Потому что вы, скажем, родителей не выбираете, жизнь не выбираете. Или, как говорил Михаил Бахтин, у человека нет алиби в бытии. Это означает, что вы как бы тождественны бытию. Вы не можете выйти из этого бытия, доказать свое алиби, даже если вы решили уйти из жизни, — тем самым вы еще больше доказываете, что у вас нет алиби в бытии. Он приводил пример: мир, из которого ушел Иисус Христос, стал совсем другим. Даже тот факт, что он покинул его, уже есть факт бытия. Тем самым мы как бы самим бытием обречены на то, чтобы совершать

ответственные поступки. В том смысле, что вы, будучи человеком, сознательным существом, по-другому не можете существовать. Так нас устроила природа. Мы не птицы, которые летают, не рыбы, которые плавают, а люди, живущие благодаря тому, что обладают особой способностью смотреть и познавать. Мы совершаем поступки и совершаем их по-человечески — как определенную цель. Это вы, значит, это ваш поступок. Или, как говорил Бахтин, вы совершаете поступок, именно вы, другой этого не может. Потому что то место, с которого вы говорите, это ваше место, вы единственный человек, который его занимает.

Само существование, бытие человека как бы имманентно содержит в себе его свободу. И в этом смысле ответственность уже заложена в том, что он делает, а потом через право, религию, мораль, даже не мораль, а этику, и через многое другое эта ответственность оформляется, получает какие-то ограничения.

И. В. ЛЕОНОВ:

— Абдусалам Абдулкеримович, мне кажется, сейчас стоит задача сформулировать идеал, своего рода ценностный интеграл, ясно, коротко и понятно. Потому что часто на занятиях со студентами я начинаю объяснять современную ситуацию, но они ждут, по-моему, нескольких кратких тезисов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Профессор Леонов, это ключевая проблема педагогики — определение идеала для молодежи. Я могу Вам посоветовать простой путь. Например, Иисус Христос — присоединяйтесь. Для меня, скажем, один из идеалов — это Владимир Путин.

И. В. ЛЕОНОВ:

— Для меня тоже.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Посмотрите, как он служит Родине!

Очень коротко — студент может выбрать образ, выбрать идеал. Абдусалам Абдулкеримович, за что я люблю Институт философии — если вам дать волю, то сразу вспоминается фраза Владимира Высоцкого: «Все мозги разбил на части». Извините, это шутка, конечно. Но то, что Вы сейчас говорили, сложно. Вы вывели разговор в философскую плоскость, как там всегда друг с другом разговариваете.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Был такой великий моралист, Альберт Швейцер, в этом году как раз исполняется 150 лет со дня его рождения. У него была замечательная фраза: «Мораль начинается тогда, когда перестают пользоваться словами».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Следующий вопрос, пожалуйста. Роман Владимирович Карманов здесь сегодня представляет Президентский фонд культурных инициатив.

Р. В. КАРМАНОВ:

— Поднятые вопросы носят практический характер. Я, собственно, взял слово, потому что согласен с тем, что общество ждет инструкции. И поэтому 17 ценностей, естественно, оно в первую очередь и хочет трактовать как руководство

к действию. Поэтому возникает вопрос: а как это делать? Просто был случай, когда мне эти ценности понадобились уже практически. Ко мне обратились руководители одного из проектов документального кино, основанного на противопоставлении двух героев. Оба выросли в Киеве, но один стал, условно, бандеровцем, а другой — нашим русским человеком.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Встретились Добро и Зло.

Р. В. КАРМАНОВ:

— Там долгая история, герои претерпевают различные метаморфозы. Но вопрос был по поводу финала. В финале наш герой, который в тот момент работал в НКВД, без суда и следствия просто неожиданно расстрелял этого...

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Бандеровца.

Р. В. КАРМАНОВ:

— Свое альтер-эго. Расстрелял безо всяких вопросов: они идут по лесу, он его расстреливает, и на этом все заканчивается. И мне говорят: «Что-то не то», то есть они чувствуют, что что-то тут не так, и просят: «Рассудите». Я пошел за советом к умным людям: «Что не так?». Но понял, что там ответа не услышу.

В итоге вспомнил, что среди 17 ценностей, включенных в Указ, есть «жизнь». А на самом деле именно относительно нее обычно возникает вопрос: «Жизнь — это жизнь, как она

может не быть ценностью? Зачем ее вообще внесли в этот список?» А я сказал: «Послушайте, на самом деле наш человек не может пристрелить другого без суда и следствия, и вообще не может, потому что у нас приоритет жизни над смертью. В наших 17 ценностях во всех случаях, когда жизнь может победить, она должна победить. Вот вывод, пожалуйста». Они признали это убедительным и на основании этого переделали финал, хотя сценарист и режиссер упирались.

Я взял слово, потому что у сидящих в зале уже есть определенные довольно твердые ценности. То есть здесь люди, которые формировались в течение 30–40, 19–20 лет, и многие из них формировались на основе западных ценностей. И одна из них — это индивидуализм, он записан в ценностях США, например, а у нас прописан коллективизм. Но тем не менее часть общества уже выросла с ценностью индивидуализма. И возникает вопрос: я понимаю, что Александр Сергеевич, наверное, не издаст внутренний указ, что с понедельника все должны быть коллективистами, а не индивидуалистами. Но я чувствую, что в рамках дискуссии мы к этому очень близки. И тем не менее мы, судя по тому, что признаем это нашей ценностью, должны начинать прививать коллективизм. И я считаю важным, что общество должно с этим согласиться. И вот вопрос: а как мы к этому придем, каким образом?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Есть такие примитивные методы, как кнут и пряник. Но уже когда я сказал про приказ, то увидел, как студенты напряглись, они же могут поверить, что я и правда его издам. Вообще-то ценности формируются через внутренние переживания человека. Конечно, если розгами пороть, они тоже будут возникать, но какие именно, мы с вами можем

представить. Самое мощное — это ценности эмоционального воздействия силами культуры, искусства. Приведу пример — праздник 1 сентября. Если посмотреть, как у нас студенты в этот день выходят на площадь, возникает гордость за нашу страну. И потом это чувство остается с вами, хотя оно уже, конечно, не такое яркое, как во время события.

Вы посоветовали сделать правильный фильм, в котором утверждается ценность жизни. Значит, если кинематографисты талантливые люди, то они снимут этот фильм так, что смогут донести это до зрителя. Так же как мы в детстве смотрели фильмы, где были настоящие герои, и нам хотелось им подражать, быть похожими на них. И всегда было добро и зло.

Кстати, хочу посоветовать молодежи посмотреть два фильма. Вчера еще раз увидел на экране Алексея Баталова и Иннокентия Смоктуновского. Фильм называется «Девять дней одного года», про физиков, и это была совершенно реальная жизнь ваших дедушек и бабушек в свое время. Посмотрите, чем жили люди. Второй фильм — «Иду на грозу» по одноименному роману Даниила Гранина, он вдохновлял другое поколение, я его никогда не видел, случайно включил телевизор и посмотрел как раз перед встречей с Даниилом Александровичем. Там все сыграно абсолютно достоверно — как люди живут, что они чувствуют. Я бы эти фильмы обязательно показывал нашей молодежи в определенных циклах, только с хорошими комментаторами. У нас толковая молодежь, она все понимает.

И мне кажется, что действующая власть поступила очень правильно, когда создала целый ряд фондов, которые стимулируют молодых авторов, выделяют им средства, чтобы у них была возможность себя проявить. Пусть не все сразу получается, но путь правильный. Культура, искусство, хорошие книги, классическая литература. Ведь испортили

образование миллионов молодых людей — убрали из курса обучения настоящую классику. В школьной программе появился Виктор Пелевин, я с ним хорошо знаком, но прежде чем читать Пелевина, нужно прочесть очень много всего, чтобы он не навредил. Настоящая культура, настоящее искусство формируют души людей. Нам не обязательно самим идти на войну, чтобы понять ценности мира и Родины, чтобы ее защищать. Не дай бог, если придется идти, но в любом случае надо иметь в душе правильное понимание.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Я добавлю несколько слов к тому, что сказал Александр Сергеевич. Раньше воспитателем ценностей была религия, игравшая огромнейшую роль, потом искусство, литература, кино. Помните, Ленин сказал, что самое важное из искусств — это кино. Потому что кино — самое доступное искусство, в кино ходили даже малограмотные люди, которых раньше было много. Это был способ воспитания ценностей. А помните, что пел Высоцкий: «Значит, нужные книги ты в детстве читал!» Вот откуда берутся ценности.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— Прежде всего я признаю законность такой постановки вопроса: как, собственно говоря, внедрять эту систему ценностей? Я думаю, в общем плане ответ, который дал Александр Сергеевич, а потом продолжил Владислав Александрович, правильный. Эти ценности должны прививаться через образцы. И это понимание, конечно, есть. Причем это не такое дело, которое можно свести к заранее обозначенной сумме мероприятий или намеченному плану с определенными сроками. Мы, философы, должны ответить, что

такое ценности, какова их природа — это наш предмет, мы этим занимаемся.

Вы говорите — коллективизм, индивидуализм, а где вы видели коллективизм без людей, его же люди формируют. А те люди, которые культивируют коллективизм, действуют индивидуально и утверждают себя через коллективизм. И даже те, кто пропагандирует индивидуализм, провозглашая его в качестве лозунга и ценности, тоже признают какую-то форму совместной коллективной жизни, они на самом деле не индивидуалисты, они индивидуалисты в определенном смысле, который их устраивает. И наша задача — как, скажем, у нас в институте есть новая плановая мегатема «Человек и общество», — разобрать эту внутреннюю связь, она не всегда одна и та же, она каждый раз имеет конкретный облик, и надо вникнуть в это. Но самое главное, что хотя Указ — это политический документ, но в нем прямо сказано, что традиционные ценности относятся к нравственным ориентирам, формирующим мировоззрение. То есть это мировоззренческий вопрос, который можно было бы решить.

Был такой момент, когда мы определенное мировоззрение, марксистскую философию, зафиксировали как норму, и в чем-то это оказалось эффективным, а в чем-то не сработало. И мне кажется, вслед за этим Указом нужна работа для понимания его предмета и характера, и эта задача не является специфичной для какой-то определенной инстанции, группы людей и т. д. Вы не найдете человека, который свободен от этого: если бы сейчас издали указ, как надо правильно ходить, это касалось бы всех людей, потому что все ходят, не могут не ходить (кроме инвалидов, конечно). Что-то подобное касается и ментальной духовной сферы. Исходная основа обозначена как ценности, если это понятие вообще имеет собственный объем.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Я хочу еще добавить, что, конечно, важны литература, искусство, культура, и надо иметь образцы поведения — это семья и ближайшее окружение. Помню свои школьные годы: то, как мои учителя вели себя в труднейших ситуациях, и мы с них брали пример и пытались им подражать. Если такие люди есть, то все получится.

И. А. ЛЕСКОВА:

— В Указе Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности определены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности... нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Сам факт необходимости сохранять и укреплять традиционные ценности, факт, что это стало проблемой государственного масштаба, свидетельствует об утрате связи с традицией. Она превратилась в культурный реликт, значит, изначальный строй жизни полноценно не возобновляется в человеческом опыте ныне живущих людей, что нивелирует преемственную связь и психологическое единство поколений. В этой ситуации сохранить и укрепить традиционные ценности — значит, привести в согласование с ними внутренний строй жизни общества, обеспечив саму возможность психологического единства и ценностно-смысловой связности поколений.

Ответ на вопрос «Как это сделать?» есть в опыте советского жизнестроительства. Различие укладов жизни в СССР и Рос-

сийской империи не разрушило внутреннюю, преемственную связь поколений, она сохранялась, традиция была жива. Перечисленные в Указе президента ценности были актуальны как в дореволюционное, так и в советское время: «...служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным... справедливость, коллективизм... историческая память...»

Выделим два фактора их сохранения и укрепления в СССР.

1. *Культура родной речи.* К. Д. Ушинский писал: «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... вся история духовной жизни народа. <...> Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. <...> Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ». Иными словами, язык — один из носителей внутреннего строя жизни общества. В СССР уделялось большое внимание воспитанию культуры речи, а методика развития речи даже оформилась в самостоятельную науку. Современное общество характеризует деградация речевой культуры, языкового сознания, речевого поведения носителей языка, что приводит к содержательной нищете сознания, деятельности и выступает действенным фактором разрушения традиционных ценностей.

2. *Принцип общинности.* Общинность подразумевает стремление и умение содействовать достижению целей, решению задач, направленных на общее благо, человек действует, ориентируясь на общие ценности, руководствуясь общими убеждениями. В советское время принцип общинности имел значение социокультурного основания, общинные по своей сути нормы и отношения распространялись на всех уровнях организации социума, давая человеку множество возможностей действовать по коллективистской модели поведения,

что было фактором сохранения и укрепления традиционных ценностей. Возможности современного человека действовать по такой модели сведены к минимуму.

Примеры. Образование всегда коллективно (учитель и ученик — это уже коллектив), но в современном образовании есть тенденция к разрушению коллективности, например широкое распространение тестирования. Оно безличностно и исходно подразумевает индивидуалистическую модель поведения. Если в советской школе в освоении учебной программы друг другу помогали ученики (бескорыстие + взаимопомощь = коллективистская модель поведения), ныне эту функцию в значительной мере выполняет институт репетиторства (коммерческая основа отношений → индивидуалистическая модель поведения). Советская система внешкольной работы с детьми и в целом культура детства — еще один пример распространения общинных норм и отношений на внеобщинный уровень организации социума. Ныне высокий уровень коммерциализации детства превратил эту культуру в индустрию детства, отдавая приоритет индивидуалистической модели поведения.

Ключевая роль индивидуалистической модели поведения в современном обществе выражает внутренний строй его жизни, это глубинный фактор разрушения традиционных ценностей. Их не декларативное, а реальное сохранение и укрепление востребует изменения внутреннего строя жизни общества возвратом к живой Традиции.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Спасибо. Уважаемые коллеги, удовольствие невероятное, но время не бесконечно. Давайте ответим на пять вопросов от студентов, после чего завершим сегодняшнюю встречу, к огромному моему сожалению.

Тимофей ТИТОВ, II курс, факультет конфликтологии СПбГУП:

— У меня вопрос к Владиславу Александровичу. Вы много говорили о цифровом бессмертии. Если использовать цифровое бессмертие ради сохранения исторической памяти, еще одной нашей российской ценности, это откроет такие большие возможности, которых на данный момент у человечества нет. И тогда получится, что наша система ценностей войдет в противоречие сама с собой: ценность исторической памяти будет противоречить ценности личности человека. Как Вы считаете, лучше использовать цифровое бессмертие ради исторической памяти или сохранить личность человека?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Это большой вопрос, но я попробую ответить кратко. Во-первых, я высказался против идеи цифрового бессмертия. Это идея бессмысленная и даже опасная. Во-вторых, насчет исторической памяти. Что такое память? Память бывает разная. Вы не можете все помнить, если бы вы помнили все, то не смогли бы жить. Вы в памяти отбираете то, что важно для вас, для понимания того, кто вы такой. А вот цифровая память есть цифровая память — все, что с вами происходило, где-то фиксируется. Это опасная вещь, потому что вас заставляют помнить то, что вы хотели бы забыть. Вы, может быть, какие-то вещи не забыли, но вытеснили из памяти, вообще не хотите об этом думать. А цифровая память будет напоминать, что вы сделали то и то. Кроме того, когда вы помните очень много, то это ограничивает ваши творческие возможности. Об этом много написано, есть такая книга «Учиться забывать». И юристы сейчас выработали новый закон, обеспечивающий право на забвение.

Олеся ЛИВУН, IV курс, экономический факультет СПбГУП:

— Спасибо большое за все тезисы, которые прозвучали сегодня, о многом можно подумать. В пункте 13 раздела 2 Указа написано: угрозу традиционным ценностям представляют, в частности, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств. С другой стороны, сейчас Соединенные Штаты Америки, наоборот, пытаются более адекватно с нами взаимодействовать, предпринимать совместные усилия для возвращения этих традиционных ценностей. И я хотела узнать у всего президиума в целом, каковы прогнозы нашего дальнейшего взаимодействия и будут ли подобные указы редактироваться, если с Соединенными Штатами Америки будут установлены более дружественные отношения?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Я считаю, что мир сегодня балансирует на грани и сейчас все зависит от того, сумеет ли Трамп справиться с секретными организациями Соединенных Штатов. В США порядка 15–17 организаций типа ЦРУ, просто ЦРУ из них самая известная. Проблема прошлого президентского срока Трампа была в том, что ему не удалось реализовать полномочия президента Соединенных Штатов. Он представлял сравнительно здоровые силы, а когда к власти пришел Байден, то это были, безусловно, совсем не здоровые силы по целому ряду аспектов. Сейчас здоровые силы там очень укрепились. И выборы Трампа показали: его нельзя остановить, потому что за ним здравый смысл американского общества, понимающего, что при демократах «было что-то не то». Другой вопрос, что если американцы наладят отношения с Россией, то редактировать ли Указ, убирать оттуда слова про США или нет,

это уже технический вопрос из сферы геополитики. Но если установятся нормальные отношения, которые будут развиваться, то события пойдут по правильному пути.

Соединенные Штаты, кстати, стали первыми, кто балансирует на грани полной катастрофы, а Западная Европа сейчас к катастрофе устремилась. Они вместе с нашими олигархами и либералами и нас чуть не загнали в ситуацию полного развала. Мы выбрались из этого и не свернем со своего пути. И я понимаю, в чем суть вашего вопроса: можем ли мы быть оптимистами? Я считаю, что да, иначе даже жить не интересно. Впереди нас ждут непростые времена, а мы все равно будем работать на благо нашей Родины. Делать то, что должно, и будь что будет!

Руслан ШИРШОВ, II курс, факультет конфликтологии СПбГУП:

— *Мой вопрос адресован Владиславу Александровичу. Когда Вы отвечали Александру Сергеевичу о свободе, то упомянули различия свободы в западном и нашем представлении. Как показывает историческая практика, молодежь все-таки тяготеет к западному варианту свободы, но зачастую многие уходят от него и принимают именно нашу ценность свободы, российскую. Что должно произойти в сознании человека, чтобы он отринул западный вариант свободы и приобщился к нашему? И наоборот, что происходит в сознании тех людей, которые не хотят расставаться с этим вариантом свободы?*

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Дело в том, что Россия есть Россия, у России свой путь, своя идентичность. И люди, живущие в России, конечно, не могут не чувствовать себя частью нашей страны с ее исто-

рией, памятью, со всеми ее сложностями. Как каждый человек не может желать стать другим человеком, даже если он понимает, что не все в его жизни было хорошо, он чем-то недоволен, может быть, что-то хотел бы изменить, сделать так, чтобы нехорошее было исправлено в будущем, но он никогда не захочет быть другим человеком. Это проблема индивидуальной идентичности. Есть коллективная идентичность, и у каждой страны тоже была непростая коллективная история. В России много было такого, что нам не нравится, но, как сказал Александр Пушкин в своем ответе Петру Чаадаеву: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Скажу еще два слова автору предыдущего вопроса. Ваши сведения немного устарели. Сейчас социология показывает, что есть два слоя в нашем обществе, очень мощно поддерживающих традиционные российские ценности, — это старшее поколение и молодежь. Я думаю, что Владимиру Путину удалось героическими усилиями переломить тренд на развал нашего государства и отказ России от собственной идентичности. И то, что новое поколение молодежи выбирает правильные ценности, служит тому доказательством.

Алена СОРОКАНЮК, III курс, факультет конфликтологии СПбГУП:

— *Как Вы считаете, каждый ли человек в той или иной мере обладает ценностями, или кто-то все-таки ими обделен. И не опасен ли человек, который не обладает ценностями, для общества?*

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— В моем понимании ценности — это нечто такое, чем вы не можете быть обделены. Если вы живете и действуете, то вы культивируете и реализуете определенные ценности. Это все равно что спросить: можно ли жить и не руководствоваться разумом или сознанием и т. д. А вот какие ценности человек реализует — вопрос другой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Кажущаяся обделенность.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

— А это значит, что есть ценности, которые вы не принимаете. Сейчас было сказано, что Америка и Россия — это разные страны, и у них разное понимание ценностей, разные интересы. Вы говорили, что у каждого своя мама, семья, народ, своя страна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Я хочу немного разнообразить наш кругозор. Был момент, когда наш Университет активно настаивал на переименовании станции метро «Бухарестская». Мы хотели, чтобы ее назвали либо «Университетская», либо «Профсоюзная». И жители Фрунзенского района этого хотели, писали в мэрию тысячи писем. Мэрия осталась к ним глуха. Я тогда, желая поддержать эту инициативу, попросил коллег-социологов провести социологический опрос. И выяснилось, что 40 % людей, опрошенных на улице, было совершенно все равно, как будет названа станция. Они говорили, что их это не интересует, у них свои дела, им надо детей кор-

мить и т. п. Но когда мы посмотрели их ответы, стало понятно: у них просто была другая система ценностей. Мы думаем о том, как называется станция, и что нехорошо, если она называется «Бухарестская»: у Румынии, у Бухареста, не устраивающая нас позиция, и мы не хотим тут иметь станцию метро «Бухарестская». А четверо из десяти участников опроса думали, что им надо прокормить детей. Это означало, что у нас с ними просто разные ценности. Но у них есть ценности: им надо выживать, содержать семью. Для них это на первом месте, они не могут думать ни о чем другом. У них просто другая иерархия ценностей. А ценности, конечно, есть у каждого человека.

Федор КУЗНЕЦОВ, V курс, экономический факультет СПбГУП:

— *Владислав Александрович, у меня вопрос к Вам. Вы сказали, что четкого определения понятия души не существует. Как можно считать трансгуманизм прогрессивной философией, если по такой логике она является тупиковой? Как можно понять, что эта философия вообще жизнеспособна?*

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ:

— Что касается трансгуманистов, то для них вообще не существует понятия души. Я не говорил о том, что такое душа, но на эту тему можно было бы пространно рассуждать. Душа — это наличие сознания. А что такое сознание? Это до сих пор дискуссионная проблема — где оно есть и где его нет. Дело в том, что большинство операций, которые совершает наш мозг, происходят бессознательно: бессознательно мы думаем, решаем задачи, делаем многое. Делаем открытия и только часть осознаем. Вот в чем роль сознания. Это первое. И второе — это наличие системы ценностей, без ценностей души нет, именно это есть то, что называется душа.

Так что на этот вопрос можно ответить. Хотя Наталья Петровна Бехтерева считала, что на него ответить нельзя, я думаю, что можно, хотя вопрос по-прежнему дискутируемый и, конечно, очень важный. Без души человека нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

— Итак, прошу запомнить, что дискуссия о ценностях завершилась фразой «Без души человека нет». Вот это и есть настоящая философия.

Хочу отметить, что друзья нашего Университета, наши гости, в своем почтенном возрасте находятся в великолепной интеллектуальной форме. Я знаю рецепт: как можно больше думать, загружать свой мозг. Всем желаю прожить жизнь так, чтобы в их годы выглядеть и чувствовать себя так же, как они. И чтобы вам было, что рассказать не только детям и внукам, но и правнукам. А нашим гостям огромное спасибо за визит в Петербург, в Университет. Вы подарили нам праздник Большой Философии. (*Аплодисменты присутствующих*)